

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Федеральная программа книгоиздания

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

ИСТОРИЯ РОССИИ

БОРИС И ГЛЕБ

Повесть Андрея Ранчина
Иллюстрации Владимира Дунько

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2002

**ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
ОТ РЮРИКА ДО ВЛАДИМИРА СВЯТОГО
(IX-XII вв.)**

Рюрик (862-879 гг.)* — правитель Новгорода. Предводитель варяжского военного отряда; был призван славянами княжить в Новгород. Основатель династии Рюриковичей.

Олег (с 879 г. — князь Новгородский; 882-912 гг. — князь Киевский и Новгородский). В 907 г. совершил поход в Византию, и заключил с ней договоры в 907 и 911 гг.

Игорь (912-945 гг.) — великий князь Киевский. В 941 и 944 гг. совершил походы в Византию. Убит древлянами.

Ольга (945-957 гг.) — княгиня. Родилась около 890 г. Правила в малолетство сына Святослава. После убийства мужа в 945 г. жестоко подавила их восстание. Около 957 г. приняла христианство. Крестилась в Константинополе. Умерла в 969 г. Причислена к лику святых.

Святослав (957-972 гг.) — князь Киевский. Совершал походы на Оку, в Поволжье и на Балканы. Освободил вятичей от власти хазар. В 967 г. воевал с Болгарией за Подунавье. В союзе с венграми и болгарами вел русско-византийскую войну в 970-971 гг. Убит печенегами.

Ярополк (972-980 гг.) — великий князь Киевский. Старший сын князя Святослава. Пытался подчинить себе территорию на Севере и Северо-Востоке Руси, но был побежден младшим братом Владимиром.

Олег (977 г.) — князь Древлянский.

Владимир Святой (980-1015 гг.) — великий князь Киевский. Младший сын Святослава. Покорил вятичей, радимичей и ятвягов. Воевал с печенегами, Волжской Болгарией, Византией и Польшей. При Владимире Русь приняла христианство, что уравнило ее с соседними государствами. В русских былинах известен как Красное Солнышко.

* в скобках указаны даты правления

СЫНОВЬЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО

Святополк I Окаянный (1015-1019 гг.) — великий князь Киевский. Старший сын Владимира. Изгнан Ярославом Мудрым. В 1018 г. с помощью польских и печенежских войск захватил Киев, но был разбит. Был женат на дочери Болеслава I, короля Польши.

Ярослав Мудрый (1019-1054 гг.) — великий князь Киевский. Изгнал Святополка I. Обезопасил южные и западные границы Руси. При нем составлена «Русская Правда» — свод древне-русского права.

Мстислав (с 988 г. — князь Тмутараканский с 1026 г. — князь Черниговский). Покорил косогов и ряд кавказских племен. Борьба с князем Ярославом Мудрым завершилась разделом государства по реке Днепр. Умер в 1036 г.

Борис — князь Ростовский. В 1015 г. убит сторонниками Святополка I. Причислен к лику святых.

Глеб — князь Муромский. В 1015 году убит по приказу Святополка I. Причислен к лику святых.

Святослав — князь Древлянский, умер в 1015 г.

У Владимира было двенадцать детей. Но не все они стали взрослыми, некоторые умерли во младенчестве. Не все оставили такой след в истории, как Ярослав Мудрый, старавшийся сделать счастливыми своих подданных. А родившиеся после крещения Владимира Борис и Глеб стали первыми святыми на Руси. Вот как звали других его детей: Судислав; Всеволод, князь Владимиро-Волынский; Изяслав, князь Полоцкий; Вышеслав, князь Новгородский; Доброгнева, была замужем за Казимиром, королем Польши; Станислав.

ГРЕЧАНКА-ПЛЕННИЦА — ЖЕНА КНЯЗЯ ЯРОПОЛКА

Жарким весенним днем 6478 года от сотворения мира*, или 970 года от рождения Христова, на равнине перед византийским городом Аркадиополем появились толпы конных и пеших русов*. Это был отряд грозного князя Святослава во главе с воеводой Свенельдом. Прихода страшных варваров-язычников уже несколько дней в страхе ждали греки. Кто мог, бежал со всеми пожитками под защиту городских стен. Город не мог принять всех беглецов. Ворота заперли за сутки перед тем, как русское войско остановилось в нескольких перелетах стрелы от Аркадиополя.

На холме невдалеке от Аркадиополя стоял женский монастырь. Монахини решили не покидать свои кельи и не стали искать спасения в городе. Вместе с матерью-настоятельницей они укрылись в храме, моля Бога о прощении грехов и избавлении от безжалостных тавроскифов.

Первой заметила конницу русов, змеящуюся среди виноградников, мать-привратница*. Немошной рукой она ударила в сторожевой колокол, висевший рядом с воротами. Русы обступили стены и с громкими

криками ринулись к воротам. Раскачав тяжелое бревно, они стали ломать их. Доски застонали, ворота поддались, выпали скобы запора. Размахивая мечами и потрясая копьями, русы ворвались во двор.

Язычники тащили из церкви золотые паникадила* и лампы, срывали с икон оклады. Настоятельница прижала к себе чудотворную икону Богоматери, завернув ее в свою черную мантию. К ней подбежал воин, ударил мечом, вырвал залитый кровью образ и швырнул на каменные ступени храма. Икона разлетелась в щепы.

Свенельд остановил коня перед церковным порогом. Одетый в златотканый безрукавный плащ, он сидел в седле, покрытом парчовой попоной. Самую дорогую добычу воины складывали к его ногам. Но не только золото, паволоки* и драгоценные камни приносили воеводе. Один из русов привел монахиню. Ее черная ряса была разорвана, голова обнажена. Широко раскрытыми глазами она смотрела на вождя варваров, но не видела ни его, ни Свенельдовых дружинников. В глазах застыл испуг. Из побледнев-

* см. словарь

Византийская империя — государство, просуществовавшее с 395-го по 1453 г. В X в. занимала территории современной Греции на Балканском полуострове и Малую Азию (земли современной Турции). Столицей Византии был Константинополь (современный турецкий Стамбул). Это был крупнейший город, который влиял на жизнь всего средневекового мира. Основное население Византии составляли греки. Жители Византийской империи называли себя ромеями-римлянами; они считали себя потомками древних римлян, а Византийскую империю — наследницей Римской империи.

ших губ вырывались то ли стоны, то ли слова молитвы.

— Смотри, какая красавица, воевода. Она твоя! — горделиво воскликнул воин и толкнул пленницу к ногам всадника. Молодая гречанка была и вправду прекрасна. Тонкое, удлиненное лицо, высокие черные брови, маленький рот с алыми губами.

— Нет, такой красой владеть не мне, а князю. Лют, сыне, — повернулся Свенельд к стоявшему рядом всаднику, одетому в греческие доспехи, — отведи ее в обоз да смотри: никто не должен ее тронуть.

Гречанку связали. Сын воеводы поднял ее в седло и поехал к обозу.

Месяц спустя войско Свенельда, потерпев поражение под стенами Аркадиополя, вернулось в болгарский город Переяславец. Свенельд привел пленницу во дворец Святослава.

В простой белой рубахе, наголо бритый, с клоком волос на голом черепе и золотой серьгой в ухе, князь испугал несчастную гречанку еще больше, чем ее первый господин — величавый и тщеславный воевода.

Среди воинов Святослава за пиршественным столом сидел один, не похожий на прочих. На нем был шитый бисером зеленый греческий плащ. Безусым лицом он не походил на варвара. Это был византийский вельможа Калокир, союзник Святослава. Именно он внушил мысль русскому князю воевать с греками, надеясь отнять императорскую власть у нынешнего правителя Империи ромеев Иоанна Цимисхия. Русский князь повернулся к гречанке и что-то сказал на своем резком, режущем слух наречии.

— Великий каган* русов не обидит тебя, не бойся. Ты понравилась ему.

Он отдает тебя в жены сыну Ярополку, князю страны Киевской, — произнес Калокир.

И обычно угрюмый князь Святослав вдруг улыбнулся.

Весной 972 года обремененное богатой добычей войско Святослава возвращалось на Русь. У днепровских порогов на них напали печенеги. Князь погиб в жестоком бою. Немногие воины вернулись из похода в Болгарию и Византию. Среди вернувшихся были Свенельд с сыном. С собою они привезли в Киев самую дорогую добычу великого Святослава — юную гречанку, бывшую монахиню, будущую княгиню. Свенельд исполнил волю погибшего господина — отдал пленницу старшему сыну Святослава, Ярополку.

Против воли стала прекрасная гречанка женой киевского князя. Она совершила страшный грех: нарушила монашеский обет безбрачия, поругала свой сан. В детстве, стоя в маленькой сельской церковке на молитве, жаждала она стать монахиней, невестой Христовой, а не женой северного варвара в затерянной среди снегов и лесов стране с чужим именем Русь...

Медленно тянулись длинные, непроглядно темные ночи. Молодой княгине казалось, что время остановилось. Тоскливо вглядывалась она в низкое небо, по которому бесшумно ползли серые тучи. Глядя из окна княжеского терема, гречанка видела далеко на горизонте лишь густые леса, обступавшие Киев. Взгляд ее скользил вниз по широкой медлительной реке с непривычным именем Днепр. Где-то далеко к югу было море, а за ним — родная земля, залитая солнечным светом, поросшая стройными кипарисами, рождающая сладкие смоквы* и терпкий, пряный виноград. Земля, славившая Христа,

а не Дажбога и Мокошь. Княгиня знала, что из милой Византии в Киев приходили купцы. Но она не могла встретить соплеменников, услышать забытые звуки греческой речи: константинопольские торговцы не вступали на княжеский двор.

Так миновали три унылых года. В год 6483 от сотворения мира, или в 975 год от рождества Христова, разразилась беда. Лют, сын Свенельда, ставшего воеводой Ярополка, был убит в ссоре на охоте древлянским князем Олегом, братом Ярополка. Удрученный горем Свенельд уговаривал Ярополка начать войну с братом. Ярополк медлил. Но мир и любовь между ним и Олегом кончились. На третий год после гибели Люта Ярополк решил выступить в поход на Олега. Когда Ярополк с дружиной покинули Киев, гречанка-княгиня вдруг ощутила внезапную тревогу: нет, она не полюбила мужа, но беспокоилась о нем, боялась его смерти. Недаром по ночам каркали за городской стеной вороны...

Святослав (957-972 гг.) — великий князь Киевский

Предчувствия обманули ее. В бою Ярополк победил. Олег бежал в Овруч. Вместе со своими воинами он бросился на мост, перекинутый через ров, к городским воротам. Все спешили укрыться в городе, прежде чем появится конница Ярополка. В ужасе люди сталкивали друг друга в ров, сбрасывали и конных, и пеших. В страшной давке никто не думал о князе. Олега столкнули в ров вместе с лошадью.

Сын киевского князя Игоря и княгини Ольги, Святослав родился, видимо, в конце 930 годов. Отличался воинственностью и храбростью. Для него ратное дело было самым главным в жизни. Ему принадлежат слова: «Не посрамям земли Русской, но ляжем костями, ибо мертвые срама не имут». В 964 г. Святослав покорил славянское племя вятичей, живущее на Оке и на Волге, и освободил от дани, которую они платили Хазарскому царству. В 965 г. он совершил сокрушительный поход на Хазарское царство, находившееся на нижней Волге и на Северном Кавказе. В 968 г. византийский император Никифор Фока пригласил Святослава с войском для покорения Болгарии. В 972 г. у днепровских порогов на пути к Киеву бесстрашный воин Святослав был убит в сражении со степными кочевниками-печенегами.

Когда Ярополк вошел в Овруч, он велел отыскать брата. Но его не нашли ни среди убитых у городских стен, ни среди пленных. Один древлянин сказал князю, что видел, как Олега столкнули в ров. Тогда князь велел разобрать тела, завалившие ров. Олега нашли под трупом его коня. Глаза князя были широко открыты, но взгляд их — пуст и бессмыслен. На юном, едва опушенном бородкой лице запеклась кровь. Когда тело кня-

Ярополк (972-980 гг.) — великий князь Киевский

Историк Н.М. Карамзин писал о нем, что это был государь, который не умел защитить своего трона и был достоин сожаления, а не власти.

зя несли, руки его мотались из стороны в сторону, как у тряпичной куклы. Тело внесли в сени* дворца, положили на ковер. Долго и беззвучно плакал Ярополк, стоя над убитым братом. Потом обернулся к Свенельду:

— Смотри, ты этого хотел... Зачем я послушал тебя!..

Олега похоронили в чистом поле около города. Невесело возвращался Ярополк домой. Так стал он властителем всех подднепровских земель. Вскоре пришла весть из Новгорода: младший сводный брат Ярополка Владимир бежал из Новгородской земли на север, к варягам. Ярополк послал своих посадников* в Новгород. Он стал единым правителем всех русских земель.

Казалось, наступила тишина. Все было по-прежнему. Жена князя ходила на службы в маленькую деревянную церковку святого Ильи Пророка. Здесь молились Богу немногие киевские христиане — варяги и русские. Княгиня, склонясь к истертому ногам полу, просила Господа о прощении ее грехов и об обращении мужа

Олег (977 г.) — князь Древлянский

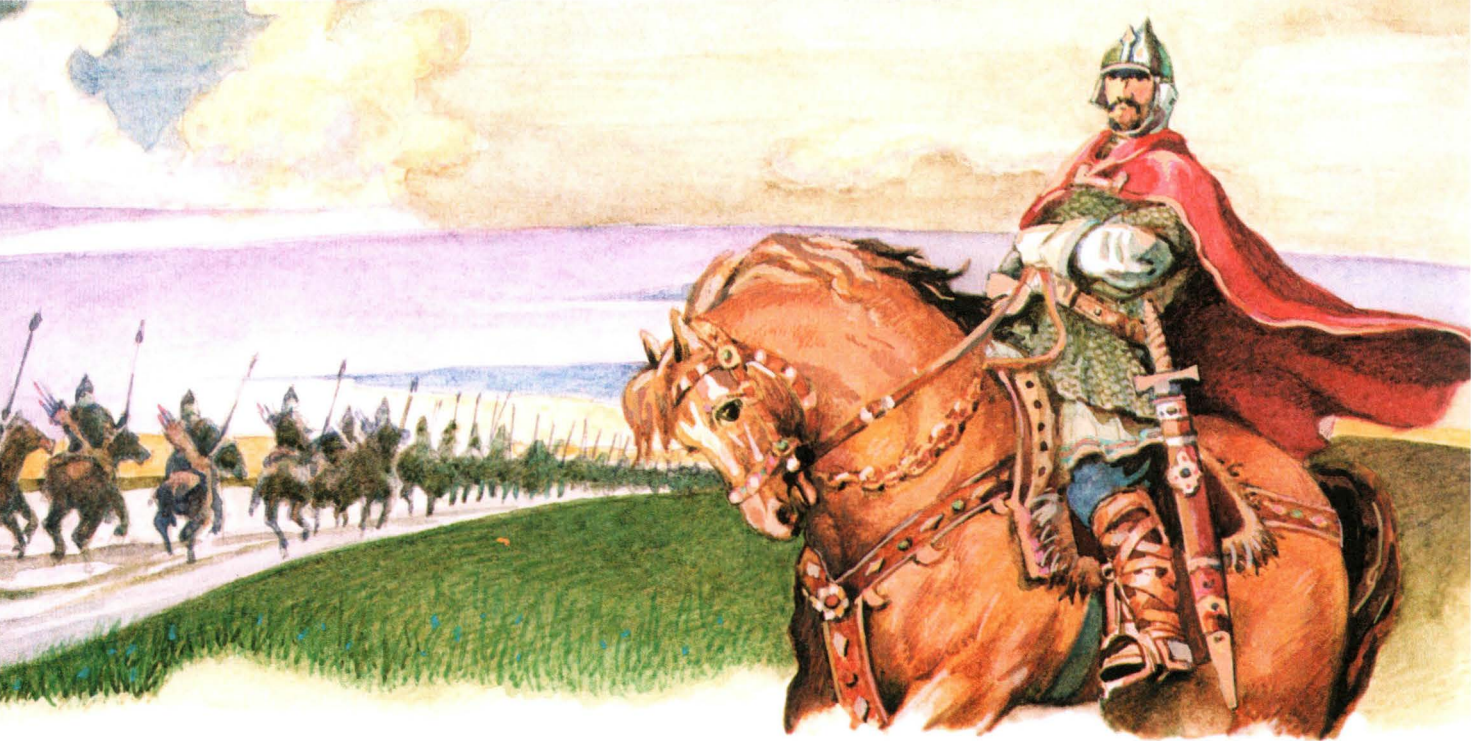
Получил в правление от отца Святослава Древлянскую землю. Был вспыльчив. Породив вражду между братьями, первым в ней и погиб.

в Христову веру. Иногда с нею приходил на службу и Ярополк. Ненастными вечерами, когда острый дождь бил в затворенные окна, и ветер вздыхал в печной трубе, она говорила князю о Христе, принявшем смерть, чтобы искупить грехи человеческие, о крещении, о заповеди братской любви к ближним.

— Непонятна и странна твоя вера, — отвечал Ярополк, — как можно прощать заклятых врагов? Разве это не слабость? И разве может Бог быть бестелесным? Боги — повелители стихий. Мы видим своих богов каждый день. Встает солнце — это великий Дажбог скачет на золотой колеснице. Горит в печи веселый огонь — это Сварожич дарит нам тепло.

— Ни солнце, которое застят тучи, ни огонь, задуваемый ветром, — не боги, — тихо, но твердо молвила гречанка. — Бог — создатель и солнца, и огня, и земли, и нас с тобою.

Она замечала: что-то менялось в муже. Втайне надеялась: она обратит князя в истинную веру. Но случилось иначе.

ГИБЕЛЬ ЯРОПОЛКА

Весной 980 года от рождества Христова Владимир вернулся в Новгород с множеством варягов и изгнал посадников Ярополка. В Киеве узнали, что он посватался к дочери полоцкого князя Рогволода Рогнеде. Рогнеда отвергла его, и Владимир разорил Полоцк, убил Рогволода и его сыновей, силой принудил несчастную княжну стать его наложницей.

В Киеве с трепетом ждали Владимирово войско. В самом конце месяца червения-июня, когда отгорели купальские огни и дни сравнялись с ночами, пришла весть, что Владимир с новгородскими словенами и варягами выступил в поход из Новгорода на юг. Пешее войско плыло в ладьях, конница двигалась вдоль берегов. На волоках* ладьи вытаскивали на сушу, перетаскивали по земле от реки к реке.

Узнав о походе Владимира, Ярополк собрал дружину в княжеской гриднице*. Пенилась в золотых кубках хмельная брага, стол обильно устали яствами. Но безрадостен и тревожен был княжеский пир.

— Каков ваш совет, верная дружина? Биться ли с Владимиром в чистом поле или сесть в осаду за киевскими стенами? Скажи ты первым, Блуд. — Ярополк повернул голову к старшему воеводе, сидевшему на почетном месте справа от князя.

Степенно разгладив усы, Блуд неторопливо вымолвил:

— Войско Владимира велико, варяги — искусные воины, новгородцы любят своего господина. Силен и крепок был Рогволод, а не устоял супротив твоего брата. В поле на сече не устоять ни дружине твоей, княже, ни киевлянам. Надо, господине, готовиться к владимировой осаде. Много месяцев может продержаться твой стольный город. Начнутся в полках Владимировых распри, наступит осень с дождями, покинут Владимира его ратники. Заготовь припасы, вышли дозоры вверх по Днепру. Будем ждать ворога здесь.

Вторым заговорил младший воевода, бесстрашный Варяжко:

— Не любя мне речь Блудова. Так и будем ждать гостей непрощенных?

В смутные времена еще до принятия христианства Русскую землю разоряли междоусобицы. Согрешил тогда Владимир, убив брата Ярополка. Но мучали мятежную душу сомнения. Языческая вера не приносила успокоения, не отвечала на вопросы о жизни и смерти, которых много было у великого князя. Надо было принять такую веру, которая помогала бы людям и справиться с душевной смутой, и укрепить государство. Князь долго размышлял над этим. Анна, будущая жена Владимира, поставила условие: не выйду за тебя замуж, если не оставишь варварскую веру. И однажды решение о крещении Руси было принято. Согласно легенде, незадолго до крещения Владимир ослеп. «Крестись!» — настаивала Анна. Послушался князь, и случилось чудо — он прозрел. Упал на колени и, счастливый, возблагодарил Бога. Удивляясь чуду, крестились и бояре с дружинниками. А потом и свадьбу сыграли — тоже счастливую.

Владимир Святой (980-1015 гг.) — великий князь Киевский

Обложит он Киев, попадем мы к нему, будто мыши в кошачьи лапы. Почто бояться сечи? Здесь, господине княже, твоя земля, Владимир же — пришелец. Собери ополчение с земель окрест Киева и иди навстречь врагу. Вспомняни отца своего Святослава, что побеждал многие полки греков с малою горстью дружины!

Ярополк молча обвел взглядом своих воинов. Пришел черед говорить им. Заговорили дружинники. Они судили по-разному. Одни встали за Блуду, другие — за Варяжко. Покончить спор мог только князь. Но Ярополк колебался. Не хотел он сидеть в бесславной осаде. Но вспоминался ему брат Олег, разбитый в жестокой брани. Не ждет ли его такая же участь?

— Готовь город к осаде, — произнес, наконец, князь, повернувшись к Блуду. — Удвой стражу на стенах, вышли дозоры вверх по Днепру до самого Смоленска. Пригласи старцев городских и народ на вече*. Будем собирать ополчение.

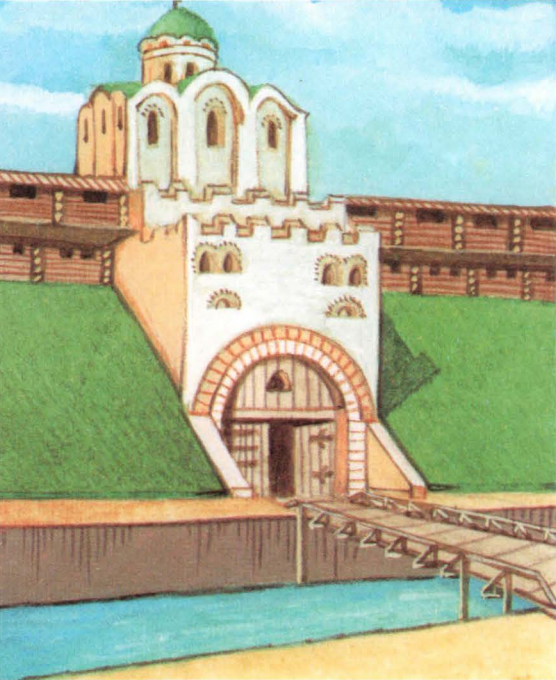
Прошло три недели. Сторожевые отряды, стоявшие вверх по Днепру, известили Ярополка, что войско Вла-

димира разбило стан в двух дневных переходах от Киева. В Киев тянулись со своим нехитрым скарбом жители окрестных сел и городков. Блуд расставил лучников на забороллах*, в котлах грели воду и вар, чтобы обрушить кипящие потоки на головы воинов.

На третий день рать Владимира появилась под Киевом. В первый же день он велел идти на приступ. Его воины устремились к городским стенам, но были встречены густым облаком стрел. Медленно растворились ворота. Конная и пешая дружина Ярополка, предводимая самим князем, ринулась на Владимировых ратников. Зазвенели мечи о шлемы. Ударили копы в щиты.

Бой был недолог. В чистом поле перед городом остались лежать тела многих Владимировых воинов. Тишина сменила крики и стоны.

Владимир понял: взять Киев приступом едва ли удастся. Надо измотать осажденных долгой осадой. Он повелел выкопать рвы и поставить частокол в урочище Дорогожич. Здесь он разбил свой воинский стан. Прошло еще три дня. Владимир больше

*«Золотые ворота» в Киеве,
XI в.*

*Деревянное укрепление,
реконструкция*

не подступал к Киеву. Страх нового приступа притупился и у горожан, и у дружины Ярополка. Стража отомкнула тяжелые створы городских ворот. До сумерек окрестные жители входили и выходили из города.

Поздним вечером привратник воеводы Блуда был разбужен стуком тяжелого воротного кольца о дубовую доску. На дворе залаяли собаки.

— Кто таков и чего ради докучаешь? Добрый человек не шатается ночью среди дворов! — недовольно заворчал боярский слуга.

— Открывай, собачий сын, — зло, но негромко, проговорили на улице, — боярин Путята от князя.

Привратник не знал, кто такой Путята, и, пробурчав нежданному гостю, что скажет о нем господину, направился в горницу Блуда.

— Не прогневайся, гость докучный до тебя, господине! Назвался боярином Путятой, сказал, что послан князем, — поклонившись в пояс с порога воеводе, вымолвил привратник.

Среди Ярополковых бояр никакого Путяты не было. Блуд знал лишь одного боярина Путяту — тот был од-

ним из воевод Владимира. Но разве он осмелится прийти в Киев? И что делать Путяте в стольном городе Ярополка? А если... Блуд и самому себе не решился признаться в пришедшей на ум мысли. Он нехотя встал с широкой лавки, накинул на плечи златотканую луду* и кликнул дворского*:

— Собери слуг с оружием да иди к воротам. Как привратник их откроет, пусть стоят наготове: не ровен час, вор али какой иной душегуб ломится. Леший его знает, в такое время и оборотня встретить можно!

— Чур меня! — зачурался* оробелый слуга. Собрав пятерых боярских слуг с топорами и сулицами*, он пошел к воротам. Привратник и один из Блудовых холопов выдернули воротный брус и отворили створы.

В слабом свете убывавшего месяца перед воротами стоял крепко сложенный человек в шитом жемчугом кожухе* и надвинутой на глаза шапке. Рядом с ним, чуть поодаль, стоял еще один, просто одетый: в посконной ветоле* и валяной шапке.

К воротам неторопливо подошел Блуд, сопровождаемый двумя воору-

женными слугами. Один из них держал в руке факел.

— Не слепи глаза. Неужто меня не признал? — усмехнулся пришелец. — Веди меня в свои покои.

Блуд отпустил слуг и сам повел гостя и его спутника к лестнице в опочивальню.

— Подожди здесь, а я прикажу ключнику принести вино и снедь, — обратился к гостю хозяин.

— Нет уж, сначала поговорим с тобой, я ведь к тебе с Дорогожича не пировать пришел, — остановил Блуда пришелец.

Воевода Ярополка сел на скамью, подпер подбородок рукою и пристально посмотрел ему в лицо:

— Почто к нам пожаловал? Не боишься, друже Путята, что выдам тебя моему господину, славному князю Ярополку?

Путята ухмыльнулся, потряхнув русой головой:

— Я тебя, Блуде, давно знаю. Не глуп ты, да и о богатстве и почести всегда пекся. Кто ты при Ярополке? Старший воевода? Да только ныне так, завтра же иначе обернуться может. Сам знаешь,

любит Ярополк смелого Варяжко. Гляди, брате, будет завтра Варяжко старшим воеводой. Но только если Ярополк Владимира победит. А если мой господин одолеет, уж едва ли окажет он милость старшему воеводе брата-ворога.

— Кликну людей, возьмут тебя, посадят в поруб*. Как в землю закопают, небось, не так заговоришь, — злобно процедил Блуд, но Путята не услышал в его голосе твердости.

— Что ж, ежели почнет князь Ярополк у меня выпытывать, почто тайно пришел в Киев, скажу: Блуда-воеводу коварными речами соблазнить на измену тебе, княже. Спросит меня князь Ярополк: «Удался ли умысел твой и князя твоего?» Я же отвечу: «Ей, княже, изменил тебе Блуд-воевода. Предал тебя. Соблазнили его дары да обещания Владимировы!» Ты,

Блуде, скажешь, что это неправда? Вот и посмотрим, кому поверит господин твой Ярополк...

Беседа Блуда с Путятой завершилась лишь под утро. Сам Ярополков воевода провел Путятю назад через городские ворота. Путятин спутник, новгородец Нежата остался на время в Киеве, на дворе у Блуда. Через Нежату и его подручных Блуд должен был сообщать Владимиру о намерениях князя Ярополка, о настроениях киевлян.

Замыслив помочь Владимиру против Ярополка, Блуд сначала хотел напасть на князя и убить его. Но он не был уверен во всех своих вольных слугах и холопах. А людей Нежаты не хватало для успешного исполнения злого умысла. И тогда воевода решил убедить господина оставить хорошо укрепленный, изобильный припасенной едою Киев. Но сначала Блуд уговорил Ярополка отказаться от вылазок из города. Войско Владимира восстановило силы после поражения, но воины Ярополка, измаявшись в бездействии, растеряли боевой настрой. По городу пополз, зазмеился глухой ропот на князя.

В конце знойного и дождливого серпена-августа, когда отцвело буйное зеленое лето, княгиня жена Ярополка узнала, что забеременела. Тяжесть во чреве отозвалась и радостью, и горечью в душе. Княгине был и люб ребенок, и ненавистен. Ибо напоминал он о смертном, неискупимом грехе — о нарушенном монашеском обете. С радостными и горькими слезами прильнула она к плечу мужа. Долго целовал Ярополк мокрое, смущенное лицо княгини.

Наступил вересень-сентябрь. Окончились сенокосы, на полях стали жать хлеб. Тяжелые, набухшие от зерен колосья клонились к кормилице-земле.

Начались в городах и весях* долгие женские работы: рукодельницы-женщины мяти и трепали пеньку, стлали лен, ткали холсты. Зажужжали, зашумели по домам веретена. Вспыхнуло и отгорело короткое бабье лето.

Недолгой была радость князя Ярополка. День за днем говорил ему Блуд, что киевляне не тверды и тайно отправляют посланцев к Владимиру, обещая сдать город и выдать Ярополка. Князь поверил коварному обманщику и велел дружине выступить из города в небольшой городок Родень. Жене Ярополк повелел остаться в Киеве: переход в Родень был опасен. Если же киевляне и впрямь откроют ворота Владимиру, разве посмеет он тронуть свою сноху, жену брата?

Ярополк крепко обнял бледную, как снег, княгиню.

— Не горюй, милая! Не навеки прощаемся мы. Если же, не ровен час, затянется разлука и родишь без меня сына, назови его Святополком.

Живым княгиня Ярополка больше не увидела. Войско Владимира подо-

шло к Киеву, и горожане, оставшиеся без князя, открыли Владимиру ворота. Владимир запер пленницу в ее теремных хоромы и приставил к ней крепкую стражу. Он остался в Киеве, на княжеском дворе, но отправил часть войска обложить жестокой осадой Родень. И начался в городке Родене страшный голод, такой, что люди умирали и в домах, и на улицах, а живые завидовали умершим.

Теперь уже Блуду не нужно было лгать: жители Роденя и вправду готовы были предаться князю Владимиру. Блуд долго уговаривал Ярополка заключить мир со своим братом, и никто из дружинников не возразил воеводе. Тогда Ярополк отправил гонца к Владимиру с наказом передать слова о мире. Ответ не замедлил. Владимир звал брата в Киев, чтобы учинить с ним ряд* о мире. Ярополк колебался. Он боялся вероломства брата. Боялся оказаться один в окружении Владимировых воинов. Долог был совет дружины с князем.

— Нет у тебя выбора, княже, — говорил Блуд. — В жизни и смерти твоей властен брат твой. Но не сотворит он тебе зла, не прольет кровь братскую. А мы с тобой, княже, поедим к Владимиру.

Другую речь произнес младший воевода Варяжко. Чувала ли душа его недоброе, подозревал ли он в измене Блуда, а только просил Варяжко князя не ездить в Киев:

— Беги из Роденя в Степь, пока Владимировы воины отступили от городских стен. Договорись с печенегами, и тогда вместе с ними нападём мы на Владимира!

Но вновь не послушал Ярополк Варяжко. Устал он от борьбы с братом и тревожился о жене и еще не рожденном ребенке. Ярополк с Блудом, Варяжко и дружиною пошел к Киеву.

Хрустко ломали копыта коней первый лед на замерзших лужах, звенела прихваченная предзимним холодом земля. Не весел, не победен был этот звон и топот... И вот отряд Ярополка въехал на киевский княжий двор. Ярополк, Блуд, Варяжко и несколько дружинников прошли в покои. Остальные спешили, но по лестнице в сени не поднялись.

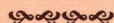
Блуд открыл дверь, пропустил вперед князя, вошел сам и быстро затворил дверь перед Варяжко и дружинниками. Воевода уговорился обо всем с князем Владимиром заранее. Два Владимировых варяга с силою ударили в грудь Ярополка мечами, вонзив оружие почти по рукояти. С глухим стоном князь, цепляясь окровавленными руками за мечи убийц, упал на пол.

Блуд отвернулся. Он не хотел встретиться взглядом сумирающим господином. Варяжко услышал стон Ярополка. С криком: «Измена!» — он бросился назад, увлекая за собой дружинников. Воины Ярополка смели Владимирову стражу, вылетели из городских ворот. Варяжко поскакал к югу, в печенежскую Степь.

Долгие годы будет он тревожить набегами Владимира, напоминать о вероломно убитом брате Ярополке. Не скоро удастся Владимиру примириться с Варяжкой, верным Ярополковым воеводою.

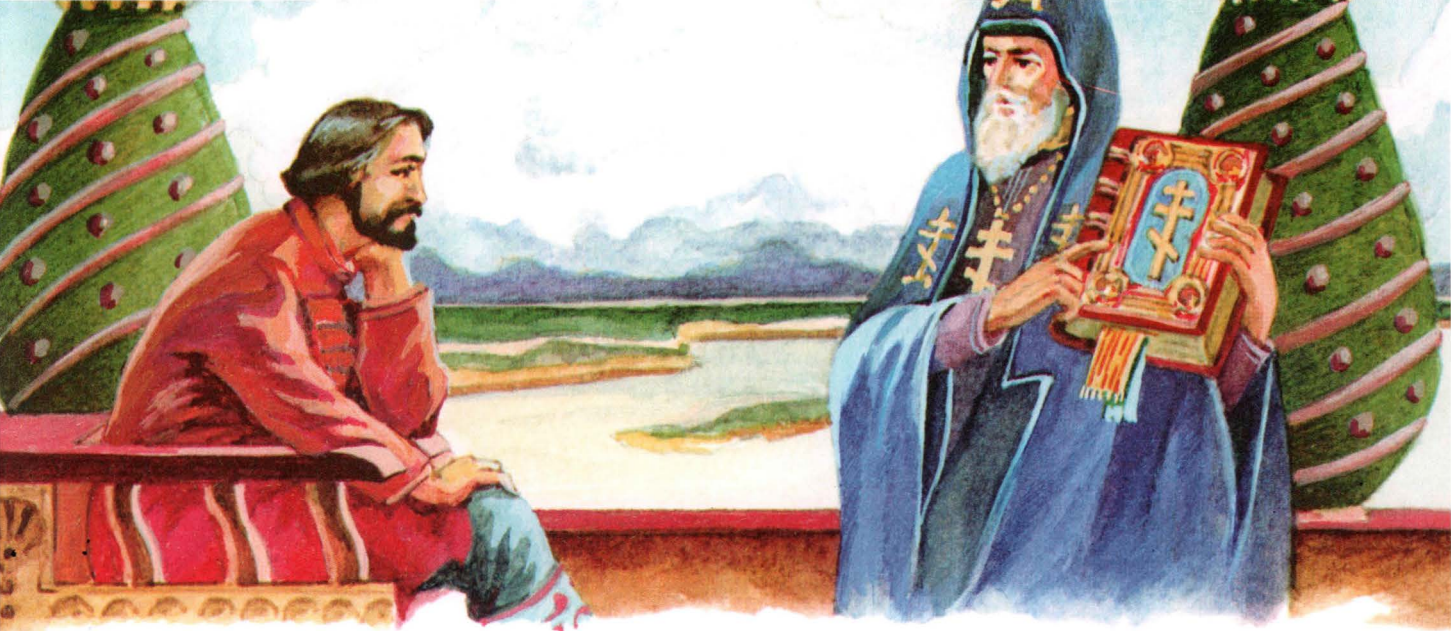
В ночь с 23 на 24 июня по старому стилю на Руси совершался праздник летнего солнцестояния. Во время праздника топили в воде чучело — Купалу, разжигались священные костры, через которые прыгали участники обряда. Перепрыгивание через огонь имело магический смысл, оно было призвано обеспечить плодородие.

Исстари человек жил в единстве с природой, наблюдал за ней, отмечал изменения, которые происходили в разные времена года. Эти изменения запечатлены в древних названиях месяцев. Они яркие, точные, в них легко угадывается, каким бывает животный и растительный мир в то или иное время.

Январь — просинец, февраль — сечень, март — березол, апрель — цветень, май — травень, июнь — червень, июль — грозник, август — серпень, сентябрь — вересень, октябрь — листопад, ноябрь — грудень, декабрь — студень.

ВДОВА ЯРОПОЛКА — ЖЕНА ВЛАДИМИРА

Горька была участь Ярополка, но страшна оказалась судьба его жены. Был Владимир похотлив и сдерживал свою страсть лишь до смерти Ярополка. Силой овладел он овдовевшей княгиней, не прошло и пяти дней после смерти Ярополка. Не слушал Владимир стенаний вдовы, кричавшей, что она беременна.

Прошли урочные сроки, и княгиня родила сына. Назвала его Святополком. Владимир отправил мать вместе с ребенком в село Берестово под Киевом, где жили и другие наложницы князя. Тяжелые вести приходили к княгине из Киева. Владимир поставил у княжеского двора идолов Перуну, Хорсу, Дажбогу, Симарглу и Мокоши. В жертву им приносили кур, иногда же — людей. Говаривали в Киеве и окрестных урочищах, как однажды принесли в жертву Перуну двух варягов-христиан, сына и отца, Феодора и Иоанна.

Казалось, мрак язычества на долгие времена накрыл Русскую землю. Ярополк не принял крещения, хотя и размышлял о христианской вере. Он не преследовал христиан, не приносил кровавых человеческих жертв. Не таков был Владимир. Он запретил Свя-

тополковой матери окрестить сына, не терпел в княжских хоромх православных священников.

— Велик был мой отец Святослав, а он побеждал христиан-греков, — часто говорил князь. Более всех богов Владимир почитал страшного Перуна — повелителя гроз и молний, покровителя воинов.

Год за годом Владимир ходил войною на окрестные племена, и враги покорялись ему. Но веселье теперь бежало от князя. Часто бывал он угрюм на пирах, не смеялся шуткам дружинников, не радовался играм-скоморохам.

На расспросы близких он не отвечал. Лишь мать Владимира Малуша постепенно выведала у него: любимого сына угнетали грехи и страхи. На душе было сумрачно и пусто. Слава не радовала князя, ибо он помнил, что обречен умереть. Это его пугало. Старые боги замолчали; что они, идолы из дерева, могли ответить смятенному князю!

И тогда Малуша, тайно хранившая христианскую веру, начала сеять ее семена в выжженную и иссохшую душу сына. Она говорила ему о Боге-Христе, ставшем человеком и при-

Ольга (945-957 гг.) — княгиня

нявшем смерть ради спасения людей, о сотворении мира Богом, о конце света и о Страшном суде. Напоминала она Владимиру и о бабке князя, великой и славной Ольге, крестившейся и принявшей веру Христову.

Владимир призвал к себе дряхлого священника, настоятеля киевской церкви Илии Пророка. В беседах с ним все чаще коротал князь темные сумрачные вечера. О вере греков Владимир вопрошал и неутешную вдову Ярополка.

Две прежние жены Владимира, родом из чешских земель, рассказывали князю о чешском и польском правителях, принявших Христа.

— Ты лишь один из славянских князей не веруешь по-христиански. Взгляни, как светел человек, верующий в Господа Иисуса Христа. Верующий во Христа свободен, поклоняющийся огню и молнии — их раб.

У Владимира гостил Олав, сын норвежского конунга* Трюггве. Приняв крещение у греков в Царьграде, он вернулся к Владимиру и просил русского конунга креститься.

И жена Владимира Адлога, рожденная в варяжских землях, убеждала князя последовать совету Олава.

Ольга была простой деревенской девушкой, но так приглянулась князю Игорю, так покорила его красотой и умом, что он на ней женился. И никогда об этом не жалел. Она и в княжеском дворце оставалась скромной и приветливой. После смерти Игоря стала править государством, пока не вырос ее сын Святослав, — и вполне в этом преуспела. Годы правления Ольги не были отмечены крупными внешними завоеваниями. Но мудрая княгиня пыталась повысить престиж государства умелой дипломатией. Укрепить Русь, найти ей достойное место среди могущественных государств-соседей — вот, что занимало ее. Но главным из всех ее дел — обретение христианской веры в 957 г. (по другой версии в 944 г.). Она узнала истинного Бога, учила наших предков любви, терпению и добродетельной жизни.

Но Владимир медлил. Он боялся насмешек дружины, ропота или даже мятежа бояр и князей подвластных земель. Владимир обратился к боярам. Их мнения разделились: многие призывали князя креститься, но были и противники. Владимир собрал посольство из знатных людей и повелел идти в греческую землю, испытать христианскую веру. Вернувшись, посланцы князя поведали:

— Истинно божественна вера греческая. Образ ее — храм святой Софии в Царьграде. Стены его изукрашены чудесно цветным камнем, и на них выложены из этого камня святые и жизнь их Бога и Его матери. Высоко, будто в воздухе, парит купол. И слышится дивное пение, горят свечи бесчисленные, а вокруг — благоухание. Не знали мы, на небе мы или на земле. Воистину свята и божественна вера людей, создавших таковое чудо.

Владимир решил креститься. Но медлил: знал, что греки считают князей, принявших от них крещение, своими подданными. Не мог сын великого и грозного Святослава Киевского снести такое поругание чести своего рода. Колебания и сомнения князя разрешились неожиданно...

КРЕЩЕНИЕ ВЛАДИМИРА

Весной года от сотворения мира 6496, от рождества же Христова — 988, как вскрылся ото льда Борисфен-Днепр, пришли в Киев греческие купцы. А с ними — послы греческих царей — василевсов Ромейской империи братьев Василия и Константина. Они поведали русскому князю, что полководец царей-братьев Варда Фока поднял мятеж против государей и угрожает самому Царьграду.

— Цари греческие просят архонта* страны Рос прислать войско против мятежника Варды Фоки, — обратились греки к русскому князю.

Владимир согласился, но потребовал от греческих царей заключить договор: он посылает войска на подмогу Василию и Константину, а царственные братья после подавления мятежа выдают замуж за русского князя свою сестру царевну Анну. Горек оказался день, когда князь Владимир помыслил креститься, для его жен и наложниц. Они узнали, что ни одна из них не станет венчанной супругой Владимира.

В одну из ночей весны 6497 года от сотворения мира, или 989 года от рождества Христова, император

ромеев Василий снарядил на царьградском берегу корабли и посадил на них русских воинов. Внезапно переправившись через Босфор на азиатский берег, русские напали на воинский стан Варды Фоки у города Хрисополя и разбили врагов. 13 апреля император Василий разгромил отряды мятежного полководца у города Авидоса. И тут успех императору принесли русские воины. Варда Фока во время сражения упал с коня и умер. Говорили, что его отравил подкупленный царем Василием повар. Мертвому мятежнику отсекли голову.

Владимир исполнил обещание. Но греки обманули его. Они уступили сестре-царевне, упрекавшей братьев в жестокости:

— Лучше смерть или монастырь, чем жизнь с северным варваром.

Русский князь не терпел оскорбления. Он начал войну против греков. О великих бедствиях греков говорила ярко-белая хвостатая звезда, что была видна в небе в тот год двадцать дней. На северном крае небосклона, над берегами Эвксинского понта жители Царьграда с ужасом увидели ог-

ромные огненные столбы. Владимир с большим войском осадил греческий город Херсонес на крымском берегу Черного моря, называемый русскими Корсунь. Корсунский священник Анастасий начертал на бумаге послание к русскому князю. Он привязал его к стреле и пустил ее с городских стен в стан Владимира. Анастасий открыл тайну, как корсунцы получают в город воду. Указав русскому князю, где находятся водяные трубы, он дал совет лишить город воды. Владимир разрушил трубы. Мучимые жаждою корсуняне сдались на милость Владимира.

Князь направил в Царьград известие царям Василию и Константину: «Я, Владимир, князь русский, отдам Корсунь вам как дар за мою невесту Анну. Снаряжайте посольство и сестру вашу ко мне в Корсунь». День прихода русского посла в Царьград стал днем скорби. Но, сколько бы ни ломала руки царевна Анна, цари решились отдать ее победителю и вернуть далекий Херсонес.

Князь полюбил Анну: не жестокого варвара, но заботливого мужа нашла гречанка. В корсунской церкви святого Василия принял Владимир крещение. При крещении его нарекли Василием. Из Корсуни княжеское войско и греческая свита, и греческие священники пошли к Киеву. В свите князя Владимира находился и пресвитер* Анастасий.

Не похож был на каменный Царьград, вознесшийся к небу куполами церквей, деревянный Киев. Молодая княгиня и тянулась к Владимиру, и боялась новой своей судьбы. С обреченным чувством встретили князя его жены, жившие в киевском княжеском дворце. Холодно ответил Владимир на их приветствия.

Зазвучала в Киеве плавная чужая греческая речь. Греческие мастера за-

кладывали церкви. Греческие и болгарские книжники принялись переписывать книги и переводить их на славянский язык. Невдалеке от княжеского терема заложили каменный храм во славу пресвятой Богородицы. В один из теплых летних дней княжеские гонцы и посланцы рассеялись по всему городу, созывая народ на вече. Там был объявлен княжеский указ: «Если не придет кто завтра на реку — будет мне врагом».

Народ пришел на реку в великом множестве. Люди вошли в воду кто по грудь, кто по шею, младенцев же держали на руках. Священники совершали молитвы и крестили киевлян. Были крещены в тот день и дети Владимира. Князь повелел сбросить идолов Перуна и других богов. Перуна потащили к Днепру и били его палками в поругание дьяволу. Потом сбросили в Днепр. Он плыл по Днепру, и до самых днепровских порогов по повелению Владимирову его отпихивали от берега.

Так начиналось на Руси новое христианское время.

Наступали печенеги на Киев. На берегах реки Трубеж сошлись два войска.

— А давай, князь Владимир, — предложил печенежский князь, — решим дело поединком наших богатырей. Твой победит — мы на три года вас в покое оставим. А уж если наш верх возьмет — три года будем твою землю разорять.

Согласился Владимир и стал искать охотников постоять за Русскую землю. Приходит к нему старик и говорит: вот де есть у меня сынок, никто не может его одолеть. Пусть он печенега поборет.

Послали за юношей — и начался поединок. Русский-то богатырь против великана-печенега малорослым оказался, а как ударил о землю — из того и дух вон!

Так и появился город Переяславль — переял русский юноша славу у врага.

ДЕТСТВО БОРИСА И ГЛЕБА

В год от сотворения мира 6504, от рождества же Христова 996, искусные греческие строители завершили каменную церковь святой Богородицы. Огромный пятикупольный храм, символ Неба на Земле, был окружен просторными галереями. На них во время службы стояли оглашенные — те, кто еще не принял крещения и не мог войти под священные своды церкви. Выстроен храм был из тонкого светло-желтого кирпича. Рядом с церковью Владимир построил из той же плинфы* три новых прекрасных княжеских дворца.

Князь воздвиг храм наподобие церкви святой Богородицы во дворце греческих царей. Свой любимый храм он посвятил, в напоминание о царьградской церкви, также пресвятой Богородице. Настоятелем храма Богородицы стал Анастасий-курсунянин. Через год после освящения храма Богородицы из Царьграда пришел на Русь первый киевский митрополит* — грек Михаил.

— Русь избрана Богом, и Господь возлюбил ее не менее, чем горделивый Царьград. Да не кичатся греки,

что прежде нас пришли к Христовой вере. Ибо сказал Господь: «Будут последние первыми, и первые последними». Бог даровал мне власть, и я крещу Русскую землю по воле Господней, — говорил Владимир.

Он создавал школы для детей знатных людей, воздвигал храмы, раздавал милостыню и кормил нищих в стольном городе Киеве. Покорил киевский князь многие новые земли, победил извечных врагов Руси печенегов. Жил Владимир с князьями-соседями в мире и любви: с Болеславом Польским, со Стефаном Венгерским и с Олдржихом Чешским.

Не все земли русские были обращены в новую веру, многие язычники роптали на Владимира, встречали оружием проповедников новой веры и посланных с ними воинов князя. Однако мир и покой все же пришли в Киев. Но не было покоя на сердце у отвергнутой вдовы Ярополковой, у матери не ко времени рожденного Святополка. В пустом дворце в княжеском селе Берестове, вдали от Киева, праздно и горько догорала ее жизнь. При ней рос и Святополк, обделенный ла-

ской приемного отца. И гречанка, и ее сын напоминали князю о совершенных в языческом прошлом грехах. Тяжело было видеть ему прежнюю жену, не мил был Владимиру ребенок. Князь помнил, что не он, а убитый брат был отцом Святополка. Не мог Владимир полюбить как родного сына того, кто не был его плотью и кровью.

А мать то осыпала ребенка поцелуями, то отталкивала. Случалось, прогоняла прочь, говоря:

— Убирайся, постылый, ты — плод моего греха. Лучше бы и не родился ты на свет.

То вдруг звала его назад, упрашивала простить за резкое слово. Поступки сына, характер его часто пугали мать. Святополк был властолюбив, любил повелевать в детских играх сыновьями слуг, приговаривая:

— Ужо вырасту я, стану князем, попомню вам все обиды.

Любил понарошку играть в палача и жертву и всегда в этой игре был палачом. Ослушников, которые не желали подчиняться, жестоко порол. Хоть и был он властолюбив и горд, что-то испуганное сквозило в его взгляде. Святополк редко расспрашивал мать о своем истинном отце. Он знал об убийстве отца Владимиром. Однажды, в один из приездов князя в Берестово, когда Владимир попытался погладить Святополка по голове, мальчик резко вывернулся из-под его руки и, захлебываясь от рыданий, закричал:

— Отстань от меня, не трогай своими мерзкими руками!.. На них кровь отца моего...

Владимир побледнел, глаза его сузились от ярости. Ничего не сказав, он повернулся и вышел из горницы. Долго после того он не показывался в Берестовском дворце. Совсем ред-

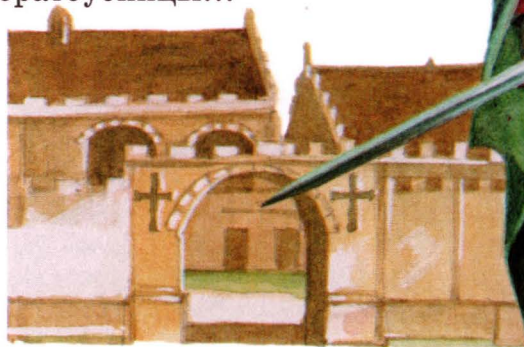
кими стали приезды князя после рождения ему Анной первого сына Бориса, в крещении названного Романом. Почти все свободное время проводил он с ненаглядным сыном, называл милым птенчиком и кровиночкой. Странно было слышать эти ласковые, не мужские слова в устах сурового воина. Через несколько лет Анна родила Владимиру еще одного сына. Новорожденному дали имя Глеб, а при крещении нарекли Давидом. Не чаял души Владимир в своих новых детях — рожденных в христианском браке от любимой княгини Анны.

Юный Борис обращал на себя внимание близких красотой лица и приветливостью. С молодых лет избегал он шумных детских игр, а более всего любил читать жития святых, принявших смерть от руки родственников: святой Варвары и святого Никиты, убитых отцами; святого чешского князя Вячеслава, вероломно лишенного жизни братом Болеславом.

Вячеслав был умерщвлен братом невдалеке от Русской земли. Это страшное событие случилось меньше ста лет назад. Борис часто представлял себе, как все происходило. Ему виделся темный ночной покой, озаренный неверным, чадным светом факелов. Князь Вячеслав пирует во дворце брата Болеслава. Вячеслав томим предчувствием смерти. Сам Бог открывает святому будущую участь. Вот князь берет чашу с вином и, повернувшись к брату Болеславу, таинственно говорит о будущей смерти и о предательстве. Болеслав, как Иуда, предатель Христа, пытается спрятать глаза, отворачивает взгляд.

Наступает страшная для Вячеслава ночь. Можно бежать, можно поднять против брата свою дружину... Но не Господь ли избирает его быть новым мучеником?

Сероватый свет раннего утра. Вячеслав идет в церковь. На пороге его встречают дружинники брата. Рядом сам Болеслав. Один из воинов замахивается мечом. Вячеслав вырывает его из рук убийцы, ранит себе руки острым лезвием. Праведная кровь князя струится по мечу... Вячеслав поднимает меч над головой брата, Болеслав падает на колени, закрывает руками голову... Дружинники Болеслава оцепенели. Они не спешат на помощь господину. Занесенный меч останавливается над поникшей головой Болеслава. Проходит несколько мгновений, в которые решаются судьбы святого и братоубийцы...

Вячеслав отдает меч брату. Болеслав заносит оружие и, не останавливаясь, обрушивает удар на голову брата. Вячеслав пошатнулся, приподнял руки вверх, к небу. Новый удар меча. Князь медленно опускается на землю, погружаясь в смертный сон. Душу праведника возносят к небесным сферам ангелы, Болеслав же отныне во власти ада. Многие годы будет он каяться в смертном грехе, украсит гробницу брата, закажет премудрым книжникам составить жития святого Вячеслава... Но кто из людей знает, заслужил ли новый Каин прощения у милосердного Бога?..

Борис читал жития мучеников вслух, а маленький Глеб слушал неторопливую речь, сидя рядом. Светлое личико ребенка было подернуто гру-

стью, большие глаза смотрели куда-то вглубь. Борис откладывал книгу и начинал молитву:

— Владыко мой, Иисусе Христе, сподоби меня, яко единого от тех святых, и даруй мне по стопам их ходити! Господи Боже мой! Да не вознесется мысль моя суетою мира сего!.. Но

просвети сердце мое на разумение Твое и Твоих заповедей и даруй мне дар, который даровал от века святым мученикам — угодникам Твоим...

Слезы стояли в глазах Глеба, когда старший брат завершал молитву.

— Милый братец Борисе, почто ты просишь у Бога смерти? Разве не хорошо тебе жить, не любят тебя отец с матерью наши? И я, братец? Неужто не боишься ты смерти?

— Помнишь ли, Глебушко, что написано в Книге Екклесиаста: «Суета сует, суета сует — все суета!» Суетен этот мир, мудрость его и богатства. Родимый братец, и тебя, и родителей я очень люблю и не хочу расставаться. Но еще больше люблю я Отца Небесного, который одарил меня бессмертной душой. Видел ты, как усталая лошадь в жару спешит на водопой к нашему Днепру? Так и душа моя жаждет встретиться с Богом.

Часто беседовал с Борисом и Глебom священник Анастасий-курсунянин — духовник княжеской семьи. Он рассказывал братьям о сотворении мира Богом, о своеволии и гордыни первых людей, которые ослушались Бога, совершили грех.

— Вместе с первыми людьми во власть зла была ввергнута и вся природа. Тогда пришла смерть на все земные существа. А один из сыновей первых людей, Адама и Евы, Каин убил из зависти брата Авеля. Страшен грех братоубийцы, ибо он породил грех, который после него совершили многие нечестивцы. Бог был вправе отвернуться от грешников. Но он любит всех, и потому послал своего Сына для искупления греха Адама и Евы. И облекся Бог в плоть человеческую, и освятил ее, и соединил божественную природу с душой человеческой,

и очистил ее. И умер, и воскрес, и победил смерть. Великий пример для нас Христос. Трудно понять это, дети, и невозможно вполне раскрыть умом тайны небесные. Постигнуть их можно лишь верою... Вы — сыновья великого и славного князя, окрестившего Русскую землю, напоившего ее водою истинной веры. Будьте достойными детьми отца вашего, и будет с вами благодать Божия.

Зимы сменялись веснами, ясные летние дни — плакучими осенними. Носился над теремным княжеским дворцом легкий прозрачный древесный пух, залетал в отворенные окна, весело и шаловливо щекотал ноздри. До утра свистели и щелкали в окрестных рощах и в киевских садах соловьи, и мир после теплого дождя казался омытым от всякой грязи и зла...

СМЕРТЬ КНЯГИНИ АННЫ. ВОЙНА С ПОЛЬШЕЙ

В год от сотворения мира 6519, от рождества Христова — в год 1011, внезапно скончалась княгиня Анна. Ее отпевали в церкви пресвятой Богородицы. Служил сам митрополит Михаил. Потрясенный Глеб тянулся к телу покойницы:

— Мамо, ты не умерла, встань, приголубь меня. Почему ты молчишь, мамо, милая!..

Владимир крепился, но близкие его чувствовали: тяжелый обруч горя сдавил ему грудь.

Следующий год выдался счастливым для Руси. Ни война, ни набег степняков, ни мор и засуха не потревожили землю князя Владимира. Не таков оказался год от сотворения мира 6521, от рождества же Христова 1013.

Опасный сосед, воинственный польский князь Болеслав, прозванный Храбрым, давно затаил обиду на Владимира. Прошло больше тридцати лет с тех пор, как Владимир захватил землю между реками Бугом и Стирем с подвластными полякам червенскими городами — Перемышлем и Червеном. Завоевал эти города русский князь у отца Болеслава Мечислава. Долгие годы Болеслав лелеял думу

отвоевать потерянные земли, но удерживали его войны с немцами и междоусобица в Чехии.

Был Болеслав властолюбив без меры. После смерти отца он изгнал из Польской земли младших братьев, с которыми сообща должен был владеть Польшей. И пошел походом на Чехию, сел на престол в славном граде Праге. Воины Болеслава чинили обиды и бесчинства чехам. Озлобились чехи на поляков, восстали против польского князя-пришельца. И пришлось ему, скрепя сердце, оставить чешскую землю.

Но то было в прежние годы. А ныне Болеслав Храбрый решил идти походом к Бугу и Стирю. Он заключил союз с дикими печенегами и двинул рать к границам Руси. Он был уверен, что старый русский князь Владимир не сможет сопротивляться ему, не успеет собрать войско.

Лесными дорогами, тайными тропами продвигались польские воины к русской границе, с гиканьем и свистом неслись по бескрайней степи печенежские всадники. Нападение было ошеломительным. Поляки и печенеги сбили русские дозоры-сторожи. В августе и сентябре 1013 года от рождест-

С него началась династия Рюриковичей, которая стояла во главе русского государства около 700 лет. С князя Рюрика началось и объединение славянских земель под единой властью — княжеской. Согласно легенде, новгородские славяне, изнемогшие от внутренних распрей и беспорядков, отправились за море — поискать себе достойных правителей. Обратились к варягам: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет — придите княжить и владеть нами». Три брата — Рюрик, Синеус и Трувор откликнулись на призыв: большая честь быть русским князем! Рюрик правил в Новгороде, Трувор в Изборске, Синеус в землях у Белого озера. Синеус и Трувор жили недолго, и Рюрик остался в истории как основатель Русского государства. Он княжил два года с братьями и пятнадцать лет один.

Рюрик (862-879 гг.) — правитель Новгорода

ва Христова Болеслав подчинил немалую часть земель в округе Перемышля и Червена. Холодными ночами под беспросветно черным небом с большими далекими звездами горели сожженные и разоренные поляками и печенегами деревни и погосты*.

Но надменный Болеслав не добился желанного. Между польским князем и печенежскими ханами начались раздоры: Болеслава разгневали грабежи покоренных городов печенегами. Он уже считал эту землю своей и не мог позволить степным варварам разорять ее. Печенеги покинули Болеслава, и польский князь, получив весть о приближении русского войска, повернул вспять.

«Мир стоит до рати, а рать до мира», — говорили в ту пору на Руси. Закончилась миром и война Болеслава с Владимиром. Договор князя порешили закрепить брачным союзом младшей Болеславовой дочери и Владимирову сына. Владимир избрал женихом Святополка. Известие о грядущем супружестве и ранило Святополка, и обрадовало его. Грубое принуждение ощутил он в словах нареченного отца. Но узнал, что Владимир видит в нем своего старшего сына и наследника. Разве стал бы Владимир женить Свя-

тополка, если бы не хотел завещать приемному сыну стольный великий Киев?.. Святополк не догадывался ни о бедствиях, которые принесет ему женитьба, ни о выгодах, которые подарит ему союз с могущественным Болеславом. Да и кто знал в эти дни на Руси и в Польше, что пышная свадьба угрюмого княжича и горделивой полячки сулит горести, раздоры и войны! Никто не ведал, что взойдут печалью и плачем зерна ржанных снопов, положенных под постель жениха и невесты в брачную ночь...

По обычаю отцов и дедов польская княжна разула Святополка, а он трижды слегка ударил ее плетью в знак того, что муж — глава в доме, а жена во всем должна покоряться ему. Но хитроумная дочь Болеслава вскоре завладела душою и помыслами мужа. Она заронила в сердце Святополка злую мысль свергнуть с престола нареченного отца Владимира.

— Посмотри, дорогой мой, любит Владимир и осыпает ласками младших сыновей своих от венчанного брака с царевною Анною. Увидишь, передаст он золотой киевский престол молодому Борису, у которого только вчера усы и борода пробились. Тебя же обделит он.

Ярослав Мудрый (1019-1054) — великий князь Киевский

Полячка и впрямь боялась, что Владимир может передать власть Борису. Распалая гнев мужа на Владимира, исполняла она волю Болеслава. Стань Святополк князем, он во всем бы ходил во власти тестя, выполнял его волю — так думали и Болеслав, и его дочь. В этих умыслах им помог епископ города Колобжега в земле поморских славян у Балтийского моря, Рейнберн.

Рейнберн, немец родом, был человеком большой учености и рьяным проповедником христианской веры. Он пришел на Русь в свите польской княжны. Исступленно жаждал Рейнберн обратить русских еретиков-схизматиков* под благой покров Римской церкви.

— Греческая вера не истинна, хотя и зовется таковой. Греки унижают божественную природу Бога-сына Христа, утверждая, что Святой Дух исходит лишь от Бога-отца. Это ли не ересь? Римская церковь — церковь апостольская, римские папы — преемники самого верховного апостола Петра, — внушал Рейнберн Святополку. Рейнберн знал: не раз приходили посланцы папы на Русь, но глух был к их словам Владимир. Епископ питал надежду обратить в веру Римской церкви Святополка. Потому он и раз-

Великий князь Ярослав, прозванный Мудрым, — правил с 1019 по 1054 г. Родился около 978 г., умер в 1054 г. С 1024 по 1036 г. был соправителем вместе со своим братом Мстиславом. Ярослав много содействовал распространению книжности на Руси, переводу церковных книг с греческого на славянский язык. В 1030 г. украсил Киев многочисленными церквями (самая известная из них — Софийский собор, сохранившийся в перестроенном виде до нашего времени), построил в Киеве новые городские укрепления с каменными воротами (так называемый «город Ярослава»). Древнерусские летописцы считали правление Ярослава временем расцвета Руси, последними годами ее единства.

жигал ненависть Святополка к названному отцу.

Святополк готовил заговор. По ночам вел беседы со слугами, со своей дружиной. Искал недовольных Владимиром, жаждавших славы и почета. Вероломные заговорщики порешили захватить или убить Владимира в ту пору, когда печенежская угроза заставит его направить дружину в Степь. Думали и о тайном убийстве князя.

Святополка выдал один из слуг. Гнев Владимира был неукротим. Услышав об измене, он с силой бросил об пол украшенный черненым серебром* тяжелый турий рог. Не было такой казни, какую заслужил Святополк, повторял князь. Молитва успокоила Владимира:

— Много я согрешил, да не прибавлю к прежним грехам новый.

Он никого не предал смерти. Но Святополка, его жену и епископа Рейнберна заточили поодиночке в земляной тюрьме. Лишь краешек неба был виден узникам из поруба. Смердный и затхлый воздух был тяжел для дыхания. Не мог остудить жажды полный ковш холодной воды. Узники быстро ослабели. Они с трудом держались на ногах. Епископ Рейнберн не выдержал мучений и вскоре умер.

Вскоре после его смерти Владимир вывел из поруба Святополка с женою. Он не желал их смерти, не хотел и новой войны с Болеславом из-за его дочери. Да и радостное событие смягчило сердце князя: любимый сын его Борис женился на дочери одного из знатных киевских бояр. Долго не хотел вступать в брак Борис, говорил, что женитьба не пристала человеку, думающему лишь о небесном. Но умолили княжича отец и бояре:

— Ты — будущий князь, — говорили ему, — долг твой — править подданными своими, врученными тебе Богом. Супружница — помощница тебе будет. Исстари так повелось: князь без жены и детей не князь!

Уступил их мольбам Борис и выбрал себе приглянувшуюся ему девицу, боярскую дочь. Отшумела веселая свадьба, отворил Владимир двери киевской темницы Святополку и его жене — Болеславовой дочери. Собрал всех своих сыновей и разделил между ними Русскую землю.

Старшему приемному сыну Святополку дал он город Туров в южной Руси, сыну Святославу — Древлянскую землю, Ярославу — великий Новгород на далеком севере. Борису он вручил власть

в далекой, затерянной за густым непроезжим Оковским лесом Ростовской земле. Неподалеку от старшего брата Бориса в городе Муроме предстояло княжить маленькому Глебу, над которым лишь недавно были совершены княжеский постриг и посаг*.

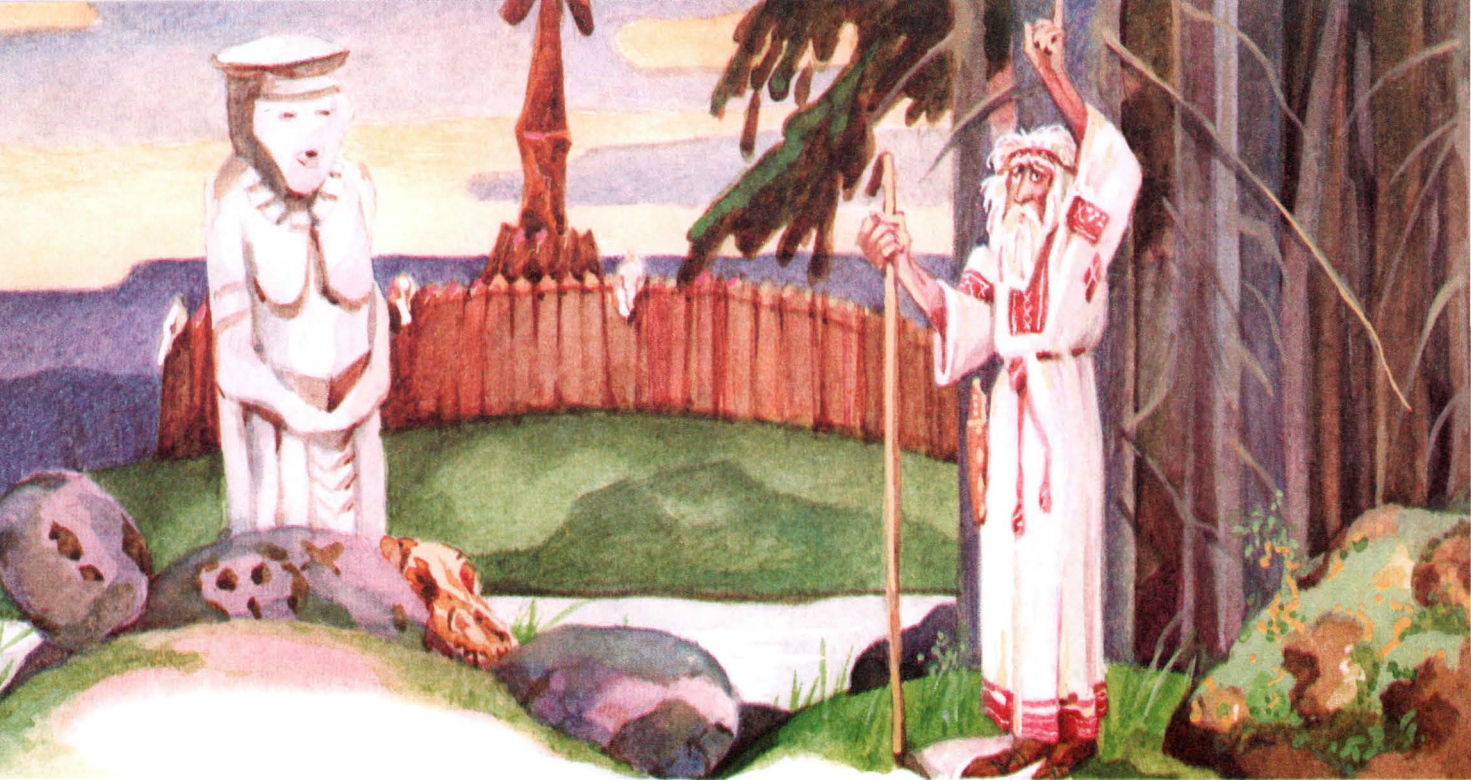
— Ты — старший брат Глебов, Борисе, ты недалече от Глеба княжить будешь. Тебе и помогать молодшему брату, — наказал Борису отец.

— Стар я стал, не уследить мне за землей моею, — говорил сыновьям Владимир, — вам править русскими городами и весями. Не по всей земле просиял свет Христовой веры — ваше призвание распространить ее. Не все племена мирны и покорны нам и платят урочную дань* — вам привести их под руку киевского князя. Род великого и могучего Рюрика — наш род, возлюбленные дети мои, — владеет Русской землею, но не все князья населивших Русь племен служат нам — вам сокрушить гордых и покорить их. Живите в мире друг с другом и помните: вы все дети одного отца — дети мои! И все мы — дети единого Бога!

И пошли сыновья Владимира каждый в свою волость, которую дал им князь Владимир.

Софийский собор в Киеве,
построен в 1037 г. (реконструкция)

БОРИС И ГЛЕБ В ЗАЛЕССКОЙ РУСИ

Путь из златоверхого Киева в Залесскую землю был долог. Много дней дружины Бориса и Глеба шли вместе. Но пришел черед братьям проститься. Не знали юный Борис и его брат-ребенок, что их прощальные целование и объятия — последние. Больше им не суждено было увидеть друг друга.

Не доходя пары дней пути до великого и старого Ростова, Борис с женой и дружиной остановились на ночлег в деревне, населенной людьми из финского племени меря. Жители толпились в деревенской молельне. Волхвы* ввели под руки обнаженных до пояса женщин с мешочками за плечами. Князь в удивлении остановился на улице перед молельным домом.

— Что это за бесовский обычай? Зачем ведут волхвы женщин и что у них в кисах* на спине? — обратился он к ростовскому боярину.

— Они приносят жертвы своим богам, моля об умножении урожая, — ответил боярин, — волхвы в кумирне* срезают ножами мешочки и укалы-

вают женщин в плечо. Меря верят, что умножение плодов земных, жита зависит от женщин. В мешочках у них всякая снедь. Волхвы притворяются, будто разрезают женщинам спины и достают из их тел эту снедь. В этих краях, княже, еще не просияла вера Христова.

К князю, гортанно крича и кружась в жутком, леденящем кровь танце, приблизился согбенный волхв с длинными седыми волосами. Сморщенной коричневой рукой он подхватил под уздцы отпрянувшего скакуна.

— Приветствую тебя, княже Борисе! — невнятно проговорил он по-русски. — Не место тебе здесь, святотатцу, отступившему от отеческих богов.

— Откуда ты знаешь, кто я такой? — вздрогнув, спросил князь.

— Верховный бог Чам-Пас открыл мне все о тебе. Знай, княже, и о судьбе своей. Уже скован тот меч, что пронзит тебе сердце. Уже готовы те копья, что уязвят твое белое тело!

— В судьбе моей волен единый Бог, мой Создатель, — заставил себя вы-

Олег (с 879 князь Новгородский, 882-912 князь Киевский и Новгородский)

Киевский князь Олег прославился победоносным походом на Константинополь в 907 г. Присоединил к Руси много новых земель. По свидетельствам летописей, Олег умер в 912 году.

молвить Борис, с трудом разомкнув спекшиеся от страха губы.

— Не ваш ложный Бог, но злой дух Шайтан создал человека. Он вылепил его из глины, песка и земли, только не смог вдунуть в него душу. Тогда послал Шайтан птичку-мышь за полотенцем, которым вытерся в бане бог Чам-Пас. И взял он это полотенце, и обтер им творенье свое, и оно ожило. Так создан был человек.

— Вели, княже, и мы повяжем глупца, чертова сына! — промолвил один из Борисовых отроков*. — Пусть не хулит князя и Христову веру.

— Оставьте его. Попущением Божиим и по воле бесовской и язычники порою изрекают правду, — ответил Борис. — Помните ли, как предрек в стародавнее время волхв смерть от коня князю Олегу?

В молчании выехали князь и его свита со двора. На душе у них было тревожно, смутно. Как будто черная коса смерти просвистела рядом с ними. Вступил Борис в Ростов и начал обращать жителей Ростовских земель в новую веру. Но мало преуспел

Игорь (912-945) — великий князь Киевский

Князь Игорь, сын Рюрика, принял власть уже в зрелые годы. Отличался воинственным характером. Он дважды ходил на Византию. Убили его древляне, которым казалось, что он, собирая с них дань, жадничал.

в этом. В душах и славян, и финских племен цепко угнездились старые верования отцов и дедов.

Глеб же с дружиною вошел в город Муром. И увидел Глеб на городском торжище языческий храм. Посередине отгороженного круга вздымался четырехликий деревянный идол*. Глеб велел разрушить капище*. Он направил священников к народу для проповеди христианской веры.

Сопровождали их воины князя. Но дружинников князя разъяренная толпа встретила камнями. Схватив колья и топоры, горожане напали на отроков Глеба. Они осадили княжеский двор и подожгли его. Силой дружина Глеба с князем-ребенком пробилась сквозь толпу.

Глебу пришлось выстроить новый двор, окруженный высоким тыном, в нескольких поприщах* от города Муром. Жители Муром затворили перед ним городские ворота.

— Да не осквернит наши святыни и наш город тот, кто не почитает Перуна и Дажбога, Велеса и Сварога, — говорили они.

УБИЙСТВО БОРИСА И ГЛЕБА

Наступил 6523 год от сотворения мира, от рождества Христова 1015. Начался он несчастливо. Ранней весной повелел Владимир собирать ополчение и мостить дороги по топким местам. Его сын Ярослав перестал платить отцу урочную дань, и Владимир решил наказать ослушника. Узнав о сборе войска отцом, Ярослав направил посланцев с богатыми дарами к варягам, жившим за Варяжским — Балтийским морем. Боясь гнева отца, Ярослав нанял варягов.

Быстрый Владимиров гонец привез наказ отца Борису: идти немедленно в Киев. Не был уверен Владимир в Святополке, опасался его вероломства: не ровен час, нагрянет он в стольный Владимиров-град, пока старый князь усмиряет строптивого Ярослава... Доходили до Владимира и вести, что печенеги подступают к южным рубежам Руси.

Борис простился со своею кроткой супружницей. С малой дружиной, с любимым отроком угрином-венгром Георгием, с братом его Моисеем да еще с немногими воинами — и по-

скакал в Киев. Невеселой была встреча отца с дорогим сыном. Борис застал Владимира тяжелобольным.

— Видишь ли, сыне, — протянул он слабую руку к Борису, — был я велик и грозен, а ныне я кто? Где мои богатства, шелк и бархат, золото и серебро? «Наг родится человек и наг сходит он в гроб». Не думай, сыне, о мирском, не пекись о завтрашнем, живи по воле Отца Небесного...

Владимир с усилием продолжил:

— Святополку я не верю. Мыслил он на меня дурное. Бойся и ты его, Борисе. В воле моей завещаю киевский престол кому пожелаю. Володей Киевом, мой сыне возлюбленный!

Борис мягко, но твердо отказался:

— Нет, отче, не надобна мне власть, и не хочу я обидеть брата Святополка. Не по-божески велишь ты мне поступить, отче, прости меня.

Борис не склонился на уговоры отца, но с радостью исполнил другое его повеление. Известия о печенегах волновали старого князя. Поход на Ярослава был не ко времени. Владимир повелел Борису идти на печенегов

в Степь. И дал сыну свою дружину и киевское ополчение — всего двенадцать тысяч человек.

Медленно двигалось по дороге большое войско. В обозе везли походные шатры, тяжелые червленые щиты, сулицы и булатные кольчуги. Погожим летним днем Борис подошел к высокому валу, увенчанному частоколом. Этот вал много лет назад построил Владимир, чтобы уберечь русские земли за реками Росью и Стугной от набегов степных племен. Медленно отворились тяжелые ворота, Борис со свитой выехал за вал в Степь. Впереди лежало незнаемое, дикое поле. Борис выслал вперед сторожевые отряды и на несколько дневных переходов углубился в степи. Печенегов не нашли, и князь велел войску поворачивать назад. Борис еще не знал, что в один из этих дней, 15 июля, его отец великий князь Владимир умер в Берестовском дворце. О смерти Владимира первым узнал Святополк. Он в ту пору был в Киеве. Из Турова его призвал сам Владимир, чувствуя близкую смерть. Ведь Святополк должен был унаследовать киевский престол, да и под приглядом Владимира был он не так опасен.

Боясь киевлян, Святополк велел утаить смерть Владимира. Он знал о толках на торгу и на улицах, что добрый и кроткий Борис желаннее жестокого туровского правителя. Святополк хотел подготовиться к борьбе с возможными врагами. Ночью разобрали помост между двумя дворцовыми клетями, обернули тело князя в ковер, спустили на веревках на землю и отвезли на санях в церковь пресвятой Богородицы. Таков был старый обычай: покойника не выносили через двери дома, чтобы он не вернулся и не беспокоил больше живых.

Положили Владимира в мраморный гроб, как полагается князю, ря-

дом с любимой женой гречанкой Анной. Когда узнали о смерти его в Киеве, заплакали о нем и в бедных полуземлянках, и в боярских палатах. Город затаился в ожидании.

Черная мысль съедала душу Святополка. День и ночь слышал он вкрадчивый голос, который внушал: «Не верь постнику и святоше Борису! У него под началом киевское войско. Киевляне знают, что отцы их и братья с Борисом, и отворят ему ворота города. Ты — старший князь! Сколько лет страдал ты от одиночества, от обид и презрения Владимира! Пришел твой черед. Не медли!»

Святополк, не доверяя киевским горожанам, уехал в Вышгород. Тайно призвал он к себе вышгородских бояр — Путышу, Талеца, Еловита и еще немногих, в ком был уверен. С ними он вел беседы, когда замыслил лишить власти Владимира.

— Не хочу скрывать от вас, мои верные друзья, я мыслю один править Русской землею. И готов пролить кровь названных братьев моих, ибо они порешили погубить меня. Более же всех опасен мне Борис. Готовы ли пособить мне?

— Души свои рады положить за тебя, — пробасил Путыша, оглаживая окладистую бороду. — В тихом омуте черти водятся. Не верь Борису.

Святополк послал к Борису вестника со словами любви и мира, приглашая идти в Киев как друга. Вестник скакал быстро, прямоезжими дорогами, не таясь. В один день с ним из Вышгорода навстречу Борису пошли Путыша, Талец и Еловит с пособниками и отряд служивших у Святополка варягов во главе с безжалостным Эймундом.

Горе князя Бориса было безмерным. Он не замечал ничего вокруг, не отвечал на расспросы. Что-то словно обо-

Племянник Владимира Святополк, которого великий князь называл своим старшим сыном, был гордым, злым человеком — и непримиримым врагом Владимира. «Окаянный» — потому что, подобно библейскому Каину, убившему брата, Святополк убил трех своих братьев — вот цена, которую он заплатил за княжеский престол.

Но и он не принес ему покоя и радости: все четыре года правления оказались мрачными годами войны и тяжелых распрей. Мрачная беспокойная жизнь князя закончилась позорным изгнанием и смертью. Он убежал из родных мест в далекие леса Богемии, но воображение сыграло с ним злую шутку: он снова и снова представлял себе убийства братьев. И умер, вконец обессиленный, почти потеряв рассудок. Никто не пожалел о нем, никто не вспомнил добрым словом, и в истории он остался человеком со зловещим прозвищем.

Святополк Окаянный (1015-1019 гг.) — великий князь Киевский

рвалось в нем. «Отче Владимире, не увижусь я больше с тобой! Братец Глебе! Встречу ли я тебя?» — неотступная мысль терзала ум и душу.

Вслед за вестником Святополка к Борису пришел один из холопов нового киевского князя. Он служил Святополку и слышал разговоры убийц. Слуга Святополка просил Бориса беречь себя от посланных убийц. Борис был в сомнении. «Не дьявол ли внушает мне злые чувства против брата?

О заговоре Святополка узнали и в войске Бориса. Киевский тысяцкий* и Владимировы воеводы пришли в шатер Бориса. Они посоветовали ростовскому князю идти с войском на Киев.

— У тебя множество воинов. Киевляне сердцем с тобою! Решайся!

— Прощать грехи ближним велел нам Бог, а не гневаться. Если и впрямь повелел Святополк убить меня, то да не поставит ему Господь это зло во грех, — ответил Борис.

И разошлось войско, оставив Бориса с его отроками на берегу реки Альты, в ночь с 23 на 24 июня года от сотворения мира 6523, от рождества же Христова 1015. Был Борис в смуще-

нии и трепете. В душе боролись жажда жизни и мысль принять смерть подобно Господу Иисусу Христу. Он вздрагивал, наяву чувствуя холодную сталь меча, касающегося его тела. Потом забылся чутким и мучительным сном. Ему чудились голоса убийц за рекой, злой смех Святополка, испуганный голосок Глеба.

Борис проснулся после полуночи и велел священнику начинать последнюю службу. Он умыл лицо и оделся. Внезапно услышал он голос — говорящий как бы изнутри его души: «Убийцы близко, приготовься к смерти, не бойся! Твой Бог с тобою. Вечная жизнь и слава ждут тебя!»

...Убийцы подошли к Альте перед полночью. Из зарослей они хорошо видели другой берег реки, костры в стане Бориса. Посреди стана возвышался шелковый шатер Бориса с княжеским стягом. Путиша велел вывести из заводи ладьи-однодеревки* и переправляться. На небе тихо и ровно светили звезды — небесные ангелы. В прибрежных кустах заколыхались тени. «Кто здесь?» — крикнул дружинник Бориса. Свистнула стрела, и он со стоном опустился на землю.

Убийцы вступили в схватку с отроками Бориса. Князь выбежал из шатра. Он был безоружен. Путьша, Талец и Еловит с сулицами наперевес бежали к нему. Вдруг навстречу им кинулся любимый Борисов дружинник венгр Георгий. Копья вонзились в его тело. «Не оставлю тебя, господине мой любимый!» — прошептал он. Георгий упал. «Что стоите, кончайте с князем!» — зарычал Путьша. Борис перекрестился. Копья ударили ему в грудь. Он упал на Георгия, заливая кровью одежду дружинника.

Тело князя отнесли в сторону. С шеи Георгия пытались сорвать дорогую золотую гривну, подаренную Борисом. Гривна не поддавалась. Кто-то извлек меч и отрубил Георгию голову. Кровь запачкала сафьяновые сапоги Путьши. Ругаясь, он оторвал кусок ткани от Борисова плаща и вытер окровавленный носок сапога.

Тело Бориса положили на телегу и повезли в Вышгород. В пути убийцы увидели, что он поднимает голову. Добить князя не решились: раз он выжил после стольких ран, не воля ли это Господня? Но повеление Святополка было: убить. Варяг Эймунд извлек из ножен меч и, подняв его обеими руками, ударил Борису в сердце.

Из спутников Бориса спасся лишь брат Георгия Моисей. Он схоронился в прибрежных зарослях. Как только убийцы покинули берега Альты, Моисей поспешил лесными тропами к Киеву. В дороге набрел на землянку дровосека.

— Добрый человеке, я — отрок князя Бориса. Святополк совершил великое зло: убил Бориса. Мне нужно добраться в Киев, сказать любимой сестре Борисовой Предславе о гибели брата. Пусть она оповестит других братьев. Поменяемся одеждой — нужно, чтоб никто не узнал меня в Киеве.

Моисей оставил в убогой лачуге дровосека богатое одеяние. В простой посконной вотоле, с перепачканным сажеею лицом, в ранних сумерках Моисей добрался до Киева. Он шел по Подолу, по Боричеву взвозу в Верхний Владимиров город. О великом злодействе поведал Моисей мудрой и смелой Предславе — сводной сестре Бориса и Глеба и родной сестре Ярослава.

Скрыв Моисея среди своих челядинцев, она направила гонца в великий Новгород к брату Ярославу. Но в одно время с посланцем Предславы еще один вестник выехал из стольного Киева. Святополк отправил вестника к Глебу. «Отец твой тяжело болен и зовет тебя», — сказал Глебу гонец Святополка.

На полях созрели золотистые хлеба. Поселяне жали колосья серпами. Мирным и спокойным был их труд. Но на сердце Глеба было тревожно: «Успею ли я хоть обнять отца?». В одну из ночей был ему сон. Он увидел неземной красоты храм, а на пороге его — брата Бориса. Тот, улыбаясь, звал Глеба: «Иди ко мне, милый братец!» Вокруг Борисовой головы золотился нимб. Глеб не мог постигнуть смысл этого сновидения. В пути конь Глеба внезапно остушился и, упав, прищемил ему ногу. Несмотря на боль и толки, что это дурная примета, Глеб решил не останавливаться. Он пересел в ладью и поплыл по Днепру.

На днепровском берегу кормчий* Глеба увидел всадника, махавшего руками плывущим. Он кричал, что послан от князя Ярослава. Ладья пристала. Всадник рассказал Глебу о смерти отца и об убийстве брата. Глеб не повернул ладью.

«Да исполнится воля Божия, и стану я мучеником Господа, если так предначертано», — сказал он себе.

По серой днепровской воде ладья Глеба плыла к Смоленску. 5 сентября, у впадения в Днепр реки Смядины, Глеб увидел плывущую навстречу ладью. Она приблизилась к ним, пристала. Глеб точно замороженный смотрел на своих убийц. Он не мог говорить, слова застревали у него в горле. Убийцы с обнаженными мечами прыгнули в ладью Глеба. Весла выпали из рук Глебовых отроков.

— Братья мои, не делайте мне зла... Я ничего плохого не сделал брату Святополку... Пощадите меня... Вы будете мне господа, я вам раб... — даваясь слезами, выговорил Глеб.

— Ах ты, кроткий ягненок, — усмехнулся Горясер, возглавлявший убийц, — ведите сюда Глебова повара, для него есть работа.

Привели диковатого Глебова повара Торчина, родом из кочевого тюркского племени. Поигрывая мечом, Горясер подошел к нему. Торчин взял нож, схватил голову ребенка за волосы и отвел назад.

«Господи, в руки твои предаю душу мою... Прости врагам моим...» — прошептал Глеб. Торчин взмахнул острым ножом...

Тело Глеба бросили между двумя колодами в чащобе. Некому было искать его, некому было оплакивать князя. А осенью того же года на берегах Альты появился некий юноша. Он ходил среди брошенных полусгнивших тел Борисовых отроков, переворачивал и рассматривал их. Найдя страшную отрубленную голову, долго смотрел на нее и целовал ее, и плакал. И шептали его губы беззвучные слова молитвы. Это был брат Георгия и Моисея Ефрем, пришедший из Ростова. По известным лишь ему приметам Ефрем узнал голову брата Георгия. Он забрал ее с собою. Ефрем стал монахом и основал монастырь возле города Торжка. Здесь он позднее поставил церковь во имя святых Бориса и Глеба.

Моисей, прозванный угрином (венгром), принял монашество и спустя много лет поселился в пещере у монаха Антония (одного из основателей будущего Киево-Печерского монастыря). Моисей — имя, которое было дано ему в монашестве. И он был причислен к лику святых.

БИТВЫ ЗА КИЕВСКИЙ ПРЕСТОЛ

Святополк торжествовал. Борис и Глеб были убиты. Он лишил жизни сына Владимира — Святослава. Но Святополк забыл о Ярославе.

Убийства, совершенные Святополком, испугали новгородского князя. Совсем недавно новгородцы перебили на Поромоньем дворе варягов, которые чинили насилие их женам и сестрам. Ярослав отплатил убийством знатных горожан, которых зазвал в село Ракомо. Теперь он страшился мести новгородцев. Ярослав решил бежать за море, в северные страны, но новгородцы не дали ему покинуть город. «Будем биться со Святополком», — сказали они. Ярослав заключил договор с великим Новгородом, даровал ему многие вольности и пошел с новгородцами на Святополка.

В конце лета 6524 года, от рождества же Христова — года 1016, войска Святополка и Ярослава сошлись на берегах Днепра у города Любеча. Три месяца два войска стояли на берегах Днепра, не решаясь вступить в бит-

ву. Тогда воевода Святополка, разъезжая по берегу, стал укорять новгородцев, браня их «плотниками» и осмеивая хромоногого князя Ярослава. Наутро разъяренные новгородцы напали на стан Святополка. Битва была жестокая. Святополк бежал в Польшу к тестю своему Болеславу. Ярослав вошел в Киев и взял в плен супругу Святополка, дочь Болеслава.

Год 1017 не дал перевеса ни Ярославу, ни Святополку. Настал год 1018, последний год торжества Святополка. Болеслав и Святополк сообща выступили к границам Руси. Было у Болеслава триста немецких воинов, пятьсот венгров, тысяча печенегов и еще польская дружина. Болеслав торжествовал заранее: слуги потрошили убитых зверей и птиц, готовя обильную снедь для большого пира. Ярослав выстроил войско тремя полками: посередине варяги, справа киевляне, слева новгородцы.

22 июля началась битва. Немецкие рыцари во главе с рыцарем Эриком

и воины Болеслава с воеводой не стерпели насмешек Ярославовой дружины, переправились через Буг и смяли полки Ярослава. Потеряв множество воинов, Ярослав бежал в Новгород и приготовил ладьи, чтобы плыть в северные земли. Но новгородский посадник Константин Добрынич рассек ладьи и сказал Ярославу: «Княже, еще можем бороться мы со Святополком и Болеславом».

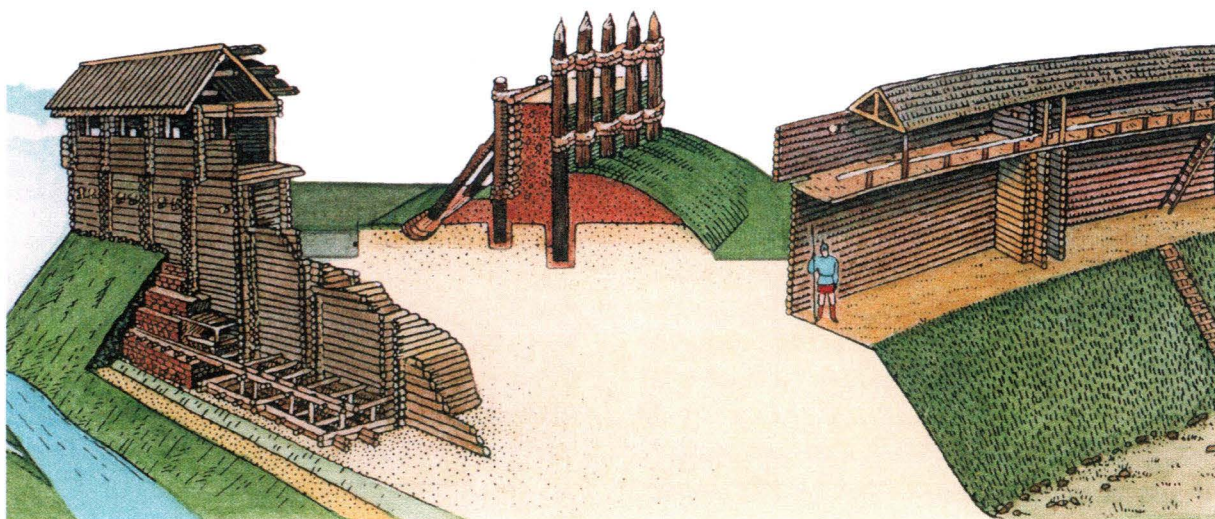
14 августа Киев отворил ворота Болеславу и Святополку. Они полонили жену Ярослава и его мачеху, одну из жен Владимира — дочь немецкого графа Отто Кунингена. Святополк и Болеслав послали грека митрополита Иоанна к Ярославу, прося о размене пленных. Ярослав отпустил дочь Болеслава, жену Святополкову, Болеслав — жену и мачеху новгородского князя. Себя Болеслав провозгласил правителем Руси, начал чеканить деньги. Направил послов в Царьград, дабы греки признали его право на русский престол. Не князем, а прислужником оказался при нем Святополк.

Дорогую цену уплатил Святополк тестю за помощь. В княжьем дворце увидел похотливый Болеслав прекрасную Предславу. Прежде он сватал

ее у Ярослава, но Предслава отвергла горделивого польского князя. Болеслав схоронил обиду в сердце. Теперь он мог отомстить. Ни филигранные височные кольца, ни тяжелые серебряные браслеты с диковинными змеями не могли склонить к Болеславу сердце русской княжны — верной помощницы брата Ярослава. И тогда Болеслав силой взял Предславу в наложницы. Святополк не пришел ей на помощь, предал, отступился от названной сестры.

Осенью скончалась дочь Болеслава. По киевским весям поселяне начали убивать поляков, мстя за грабежи и насилия. Болеслав вспомнил давний поход в Чехию и решил возвращаться в Польшу. Червенские города он удержал за собой. 14 октября покинул он Киев, уводя и наложницу Предславу, и ее челядь. В свите Предславы был и Борисов отрок Моисей. Много лет спустя удалился он в пещеру к монаху Антонию и здесь окончил жизнь в посте и молитвах.

Позднее, в 1030-1031 годах, Ярослав отвоевал у Польши Червенские города, но в 1039 году был вынужден вновь уступить их полякам. Он заключил договор, в котором отказывался от прав на эти земли.

КОНЕЦ СВЯТОПОЛКА

О злодеяниях его говорили на городских улицах. Окаянным звали его во круг. Тяжки, страшны были для братоубийцы ночи, когда он вздрагивал от случайного скрипа половиц и от шороха мыши в углу; боялся взглянуть в глаза слугам, не доверял своей дружине. Страшился самого себя... При известии, что Ярослав с новгородскими воинами идет к Киеву, Святополк оставил столицу Руси. Он направился за помощью к печенегам. И настал новый год — 6527 от сотворения мира, или 1019 от рождества Христова. Со множеством воинов шел Святополк на Русь. Земля гудела под копытами коней, колыхалась вода в окрестных реках и озерах. Ярослав вышел против Святополка на Альту. Взошло солнце, наступала пятница, Ярослав стал на место, где убили Бориса, и, подняв к небу руки, сказал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, Владыко Господи Боже! Отомсти за кровь этого праведника, как отомстил ты за кровь Авеля, возложив на Каина стенание и трепет!» Трижды сходились войска. Была та битва столь же

стокой и яростной, что не было подобной ей на Руси. К ночи все было кончено. Печенеги бежали. Святополк с немногими дружинниками отступил к западу от Альты. Река, на берегах которой совершилось злодейское убийство Бориса, стала местом расплаты братоубийцы за великий грех. Безлунная ночь помешала Ярославу преследовать врага. Спустившаяся на землю тьма укрыла Святополка.

Побежденный князь остановился на привал лишь перед рассветом. На востоке, где-то за Альтой, прорезалась узкая, как лезвие ножа, холодная полоска зари. Святополк молча сидел на расстеленном плаще. Его окружали вышгородцы, бояре Путыша, Талец, Еловит. Те, кто четыре года назад исполнил его повеление. Они не могли надеяться на прощение Ярослава и готовы были сделать все, что скажет их князь. Они всматривались в лицо Святополка, смутно серевшее в предрассветных сумерках. Но взгляд Святополка был пуст, губы замкнула печать безмолвия.

Путьша первый осмелился нарушить тишину.

— Ярослав одолел, но ты, княже, можешь лишить его недолгой радости. Собери снова печенегов, испроси воинов у Болеслава. Вспомни: много раз выходил ты против Ярослава и побеждал его. Пошли гонца в Вышгород за казной, покамест враги не покинули поля возле Альты. Ярослав не осмелится идти на Вышгород с малой дружиной, а войско его утомлено. Вышгородцы примут тебя, они верны тебе, они тебя любят!

Святополк очнулся от оцепенения. Медленно, с усилием выговаривая слова, сказал:

— Я не нужен им — вышгородцам, киевлянам... Не вы ли говорили: народ шепчется на улицах, клянет меня окаянным, говорит о чудесах, о неведомо кем зажженных свечах, которые странники и охотники видят в чаще, где брошено тело Глеба?.. Они признавали меня, пока я был силен. Теперь же я слаб. Я собрал множество ратников — и где же они? Воевать с Ярославом — это не колоть копьями сонных и не резать поварским ножом отроков. Иноземцы, говоришь? Ярослав заключит мир с печенегами, а поляки не пойдут в новый раз на подмогу. Помнят, как убивали их на ночных постоях по городам и весям русские. Уходить надо. За русский рубеж. Болеслав не откажет в хлебе и воде своему зятю. Седлай коней, пора.

Ехали больше ночами, днем отсиживались в лесах, воровато и боязливо объезжали города. В деревнях посланцы князя брали запасы еды. Сам князь опасался появляться на людях. На третьи сутки он занемог. Начался жар. Белый аксамитовый платок, омоченный в воде, Святополк обвязал вокруг головы, но влаги не чувствовал. Болезнь была странной, неведомой.

На глухом починке* князя показали бабе-знахарке. Та дала Святополку выпить какой-то отвар, но легче не стало. В ушах стоял непрерывный звон, будто комариная туча окружила князя. Слабело тело, руки и ноги казались не своими, не слушались. По коже, чудилось князю, струилась горячая смола... Святополка положили в телегу. Он слышал голоса

дружины, вдыхал горьковатый теплый запах сена. Но не видел ничего вокруг. Перед глазами стояла темнота. Из нее появлялись какие-то смутные образы. Женщина в белых одеждах вынырнула из этой тьмы. Лицо напоминало кого-то. Мама?.. Что-то трепетало, колыхалось у нее за спиной. Наверное, крылья?.. А в руках свеча... Как над телом Глеба.

Он протягивал руку и вдруг наткнулся пальцами на жесткое крыло, как у летучей мыши. «Ангел или бес, — стучало в голове. — Если ангел, я прощен, значит, не ад». Он попытался говорить: «А-н-г-е-л», — но услышал лишь страшный полуплач-полувои: «А-а-а!». Он видел себя на постели, почему-то маленького, сморщенного, и висющий над собой меч. Он порывал-

ся бежать, а сзади слышался стук, топот. За ним гнались! Гонятся!

Путьша, ехавший впереди, обернулся на крик князя. Святополк полупривстал в телеге и, глядя перед собой безумными, широко раскрытыми от ужаса глазами, кричал:

— Гонятся! Скорее! Ох, скорее же!

Посланные в дозор слуги Путьши сказали, что никакой погони за кня-

зем нет. Но Святополк уже ничего не слышал и не понимал. Он повторял раз за разом лишь два слова: «Гонятся, скорее!». Сбившийся с пути, заплутавший в лесных дебрях между Чехией и Польшей отряд Святополка был настигнут погоней. Преследовала его сама Смерть. Меч, поднятый против братьев, обрушился на голову убийцы.

Ярослав с войском вошел в Киев. Он велел отыскать тело брата Глеба. Князю поведали о чудесных огнях свечей и огненном столпе, которые видели в лесной чащобе под Смоленском проходившие мимо охотники и купцы. Рассказали князю и о сладком ангельском пении, которое они там слышали. Прослезился могучий Ярослав и сказал: «Это брат мой Глеб». И повелел отыскать тело убитого отрока.

Посланцы Ярослава нашли Глеба между двумя колодами. Они подошли к телу и ощутили благоухание, подобное запаху ладана. Лицо и тело Глеба были чисты и не тронуты ни тлением, ни дикими зверями. Как будто он мирно спал, а не был умерщвлен четыре года назад. Тело Глеба перенесли в ладью и перевезли в Вышгород. Князь, митрополит Михаил и множество народа встречали Глеба. И смешались в тот день радость с плачем.

Ярослав повелел захоронить Глеба рядом с братом Борисом в вышгородской церкви святого Василия. Почитал он своих братьев как святых, принявших смерть в подражание Господу Иисусу Христу. Позднее Борис и Глеб были причислены к лику святых, а тела их перенесены в новую церковь. Борис и Глеб — первые русские святые — стали одними из самых почитаемых на Руси. Так завершились жизни Бориса и Глеба и жестокая междуусобная борьба между Святополком и Ярославом.

СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ

При князе Владимире в 980 г. был создан пантеон языческих богов. В Киеве на холме, вне княжеского двора, были поставлены идолы: Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши. Перун и Велес противостояли друг другу. Перун-громовержец стоял на вершине холма, Велес — внизу, на Подоле.

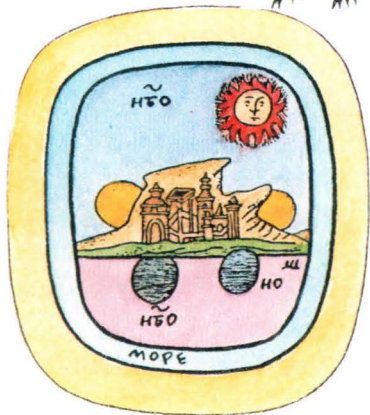
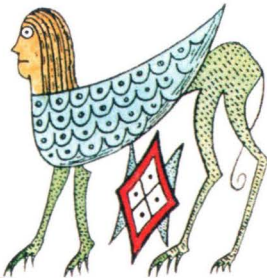
Велес — бог богатства и покровитель домашних животных. В христианскую эпоху был заменен покровителем скота св. Власием. В Южной Руси считался противником Перуна, в Северной — один из верховных небесных богов, проводник в загробный мир.

Дажбог — бог солнца, сын Сварога. Местом его культа был холм, на котором находился кумир Дажбога и где ему приносили жертвы.

Марена (Морена, Мара) — богиня, связанная с ритуалом умирания и воскресения природы. В весенних обрядах западных славян Мареной называлось соломенное чучело — воплощение смерти и зимы, которое топили или сжигали.

Мокошь — богиня прядения и, по-видимому, судьбы. Единственное женское божество.

знак засеянного
поля в античной
росписи

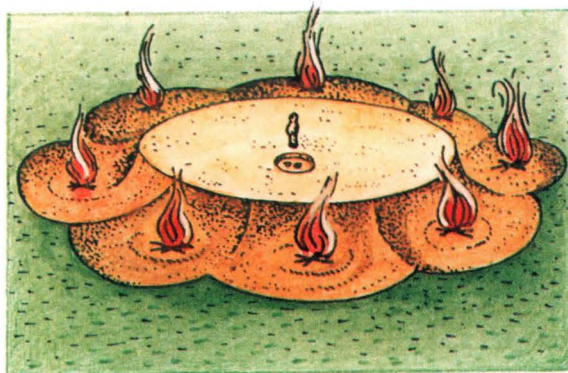
движение солнца по небу и по подземному
«ночному небу»

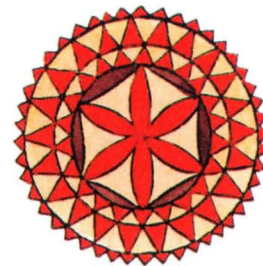
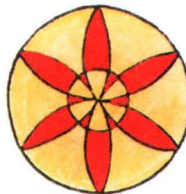
предполагаемое
изображение Мокоши,
русская вышивка

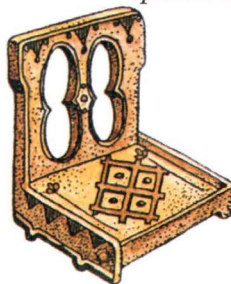
Збручский
каменный
идол

святилище Перуна около Новгорода

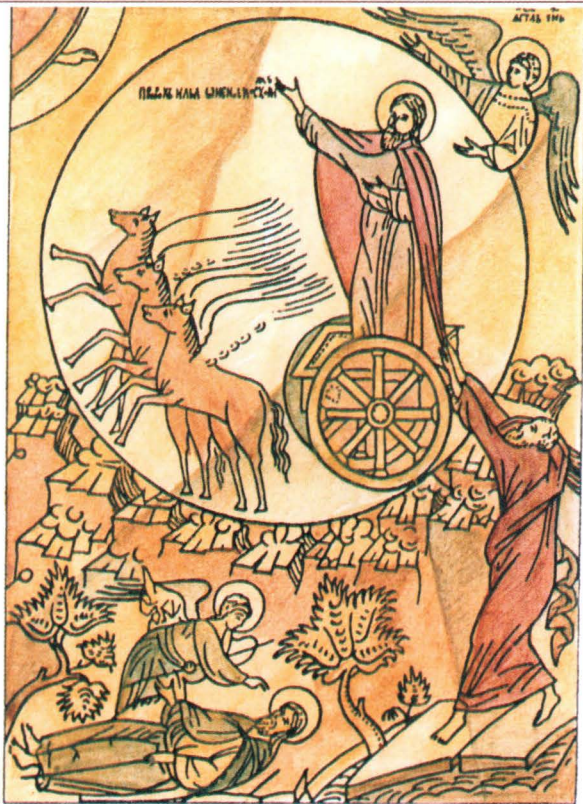
громовой знак

громовой знак
на алтарке для
первых плодов

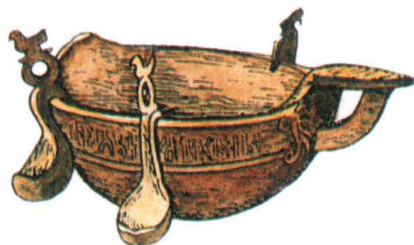
громовой знак
на русской
деревянной солонке

огненное восхождение Ильи Пророка, напоминающее громовержение Перуна

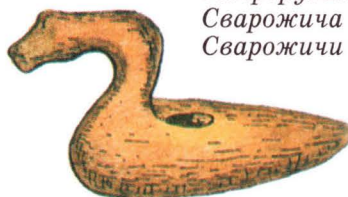
священный знак Солнца с вариантами распространенных изображений

русский ковш с изображением Солнца, коней и водоплавающих птиц

северорусский овин — место культа Огня Сварожича
Сварожичи — сыновья бога Сварога

костяной амулет «утка-конь», XI в.

во, чей идол в Киеве стоял на вершине холма рядом с кумирами Перуна и других божеств. Представлялась в виде молодой женщины с распущенными волосами, которая ходит по Земле вместе с Долей и Недолей и определяет судьбу людей.

Перун — бог грозы (грома). Представлялся в виде немолодого мужа. Голова его деревянного идола была серебряной, а усы — золотыми. Оружие Перуна — топор и стрелы; священное дерево — дуб. Перунов день — четверг. В пантеоне Киевской Руси почитался как великий бог. В христианскую эпоху Перуна заменяет Илья Пророк, а в былинах и сказках Илья Муромец.

Сварог — небесный кузнец, бог огня, связан у язычников с культом огня.

Симаргл — бог семян; изображается крылатым псом, который охраняет посевы. По другой версии восходит к древнему имени «Семиглав» и связано с числом семь, являясь, таким образом, воплощением семичленного древнерусского пантеона.

Свентовит («святой») — высший бог, связан с войной и победами. Идол Свентовита имел четыре головы соответственно с четырьмя сторонами света. Четырехстолпный храм Свентовита представлял собой модель мира в славянской мифологии. Он находился в Балтийском городке Аркона на о. Рюген. Атрибуты Свентовита — меч, знамя, копья. Славяне верили, что ночью Свентовит выезжает на белом коне для борьбы с врагами.

Стриборг-Сварожич — сын Сварога, бог вихря, урагана. Ветры — Стрибожьи внуки.

Хорс — бог Солнца и солнечного диска, сын Сварога.

СЛОВАРЬ

Архонт — правитель страны Рос. Так греки называли русского князя, подчеркивая этим, что русский князь не полноправный властитель, а служитель императора.

Вече — в Древней Руси народное собрание горожан; высший орган власти в городах.

Веси — деревни.

Волок — место, где сближаются две судоходные реки; в старину по волоку перетаскивали (волочили) суда из одной реки в другую.

Волхв — языческий священнослужитель, жрец.

Вотола, или волота — древнерусская простонародная одежда; кусок ткани, накидывавшийся на плечи в сырую и холодную погоду.

Гридница — комната для гридей (дружинников) в княжеском дворце.

Дворский — старший слуга-управитель в боярском или княжеском доме.

Заборолы — крытые галереи наверху городских стен.

Зачураться — произносить слово «чур», ограждая себя от нечистой силы, от злых духов. Чуром в языческой Древней Руси называли предка-покровителя. Чура призывали на помощь при опасности.

Идол — статуя, изваяние, которому язычники поклонялись как божеству.

Каган — так называли на Руси первых русских князей.

Капище — языческий храм, место, где стояли изображения богов и приносились им жертвы.

Киса — кожаный или суконный мешок, затягиваемый шнуром.

Кожух — в Древней Руси длинная верхняя теплая одежда из кожи, мехом внутрь; тулуп.

Конунг — правитель варягов.

Кормчий — рулевой судна.

Кумирня — языческая молезна с кумирами, скульптурными изображениями языческих божеств.

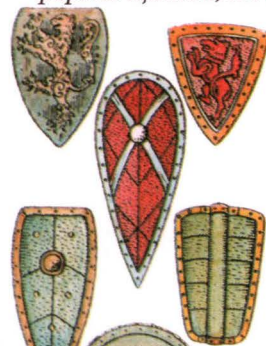
Луда — недлинный плащ, который носили знатные и богатые воины.

Мать-прихватница — монахиня, открывавшая и закрывавшая монастырские ворота и охранявшая их.

Митрополит — священнослужитель высшего (епископского) сана, в подчинении у которого находились большие церковные области (епархии). В Древней Руси до середины XV в. утверждались в Константинополе.

Однодеревки — лодки, выдолбленные из ствола дерева.

бронзовый крестик, общеевропейские формы щитов, XI в.

мечи и ножи к ним

боевые топоры, XI-XIII вв.

кожаный тул, XI в. и налучье с деревянным каркасом

Отрок — младший дружинник князя.

Паволока — нарядная ткань.

Паникадило — большая церковная люстра или большой подсвечник для двадцати и более свечей.

Плинфа — широкий и плоский кирпич.

Погост — здесь: селение, в которое съезжались для торговли.

Поприще — здесь: древнерусская мера длины, равная 1480 м.

Поруб — земляная тюрьма без дверей.

Посадники — наместники князя, управляющие городами.

Постриг и посаг — у достигшего отроческого возраста (восьми лет) князя в древности выстригали волосы на голове. Его также впервые сажали на коня. Эти обряды назывались постригом и посагом.

Починок — небольшое новое селение в два-три дома.

Пресвитер — священник.

Ряд — договор.

шлем с полумаской, наносником
и кружками для глаз

железные и
стальные
наконечники
стрел, IX в.

Сени — так в Древней Руси называлась парадная терраса, расположенная на втором этаже. Обычно сени поддерживались столбами и были огорожены красивыми деревянными решетками.

Смоква — инжир.

Сотворение мира — в Византии и Древней Руси летосчисление велось от «сотворения мира», а годом сотворения мира считался 5508 г. до н.э.

Сулицы — короткие копья.

Схизматик — раскольник или еретик, искавший основы христианства.

Тысяцкий — начальник военного ополчения.

Урочная дань — определенная договором плата.

Черное серебро — серебро, покрытое чернью — сплавом из серебра, меди, олова, свинца и серы. Расплавленной чернью заполняли нанесенный на серебро или отлитый в серебре рисунок.

КАРТА (см. первый форзац)

Альта — река к юго-востоку от Киева, недалеко от города Переяславля Русского (ныне украинский город Переяслав-Хмельницкий); правый приток реки Трубеж.

Борисфен — старинное греческое название Днепра.

Варяг — в Древней Руси называли скандинавов: шведов и норвежцев.

Вышгород — город на Днепре, к северу от Киева.

Дорогожич — урочище (местность) к северу от Киева, между Киевом и Вышгородом.

Древляне — восточнославянское племя; обитало в лесах к западу от Киева.

Любеч — город на левом берегу Днепра, севернее Киева и северо-западнее Чернигова.

Овруч — город к северо-западу от Киева; ныне — город на Украине в Житомирской области.

Перемышль и Червен — города между реками Вислой, Саном и Днестром. Перемышль — современный польский город Пшемьсль, Червен (Червень) — современный город Червоноград на Западной Украине.

Печенеги — тюркский народ, населявший степи к югу от границ Руси, между Доном и Дунаем.

Рось и Стугна — реки, правые притоки Днепра к югу от Киева. В X веке по Роси и Стугне проходила южная граница Руси.

Русы — восточнославянские племена, предки современных русских, украинцев и белорусов. Греки-византийцы называли их тавроскифами.

Хрисополь (ныне Скутари) — город на азиатском берегу пролива Босфор, напротив Константинополя.

Эвксинский понт — старинное название Черного моря.

ВООРУЖЕНИЕ И ДОСПЕХИ ВОИНА IX-XII вв.

Булава — старинное оружие в виде тяжелой каменной или металлической головки на рукоятке.

Кистень — боевое оружие в виде короткой палки, на одном конце которой металлический шар, а на другом петля для надевания на руку.

Колчан — футляр для стрел.

Кольчуга — рубашка из железных колец.

Наговицы — голенище, которое застегивается вокруг голени.

Налучье — футляр для лука.

Ножны — футляр для боевого оружия.

Оберег — предмет, по суеверным представлениям, охраняющий от бедствий.

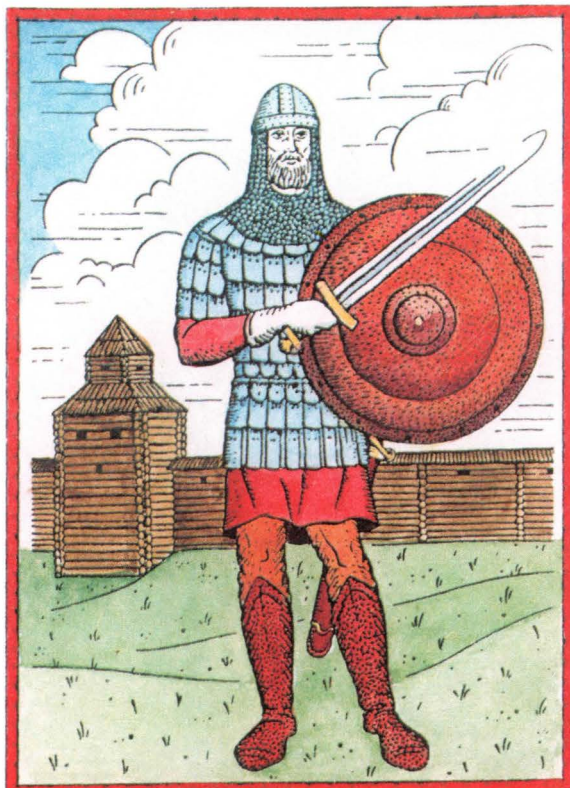
Панцирь — кольчужная рубаха до колен, без рукавов.

Тул — колчан для стрел в виде трубки, закрываемый от непогоды.

Шлем — металлический головной убор.

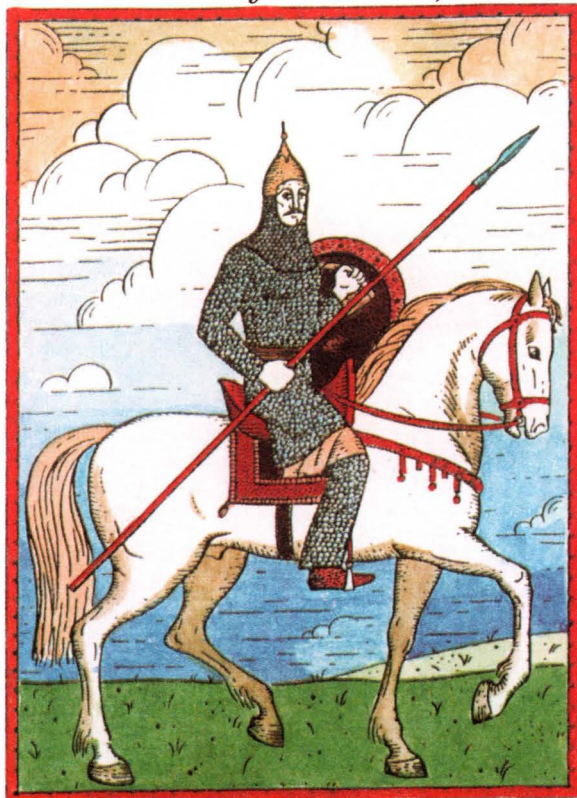

Риза — одежда князя и облачение священнослужителя

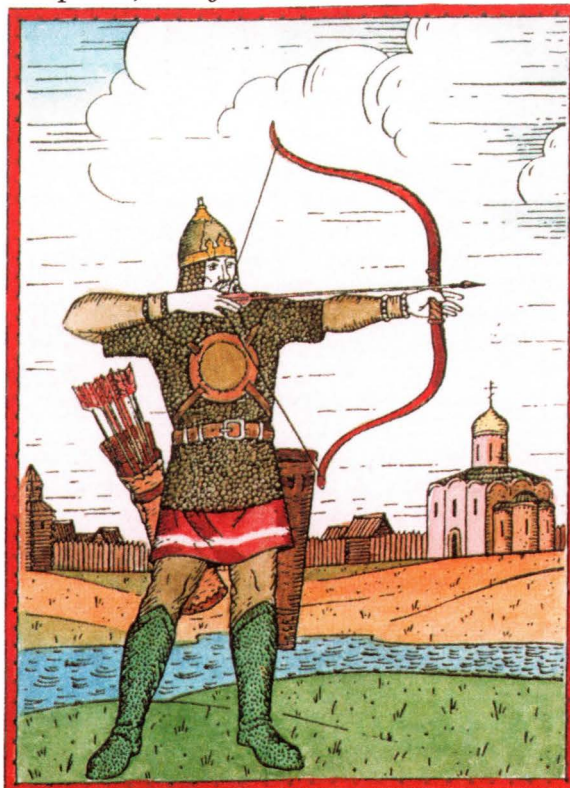

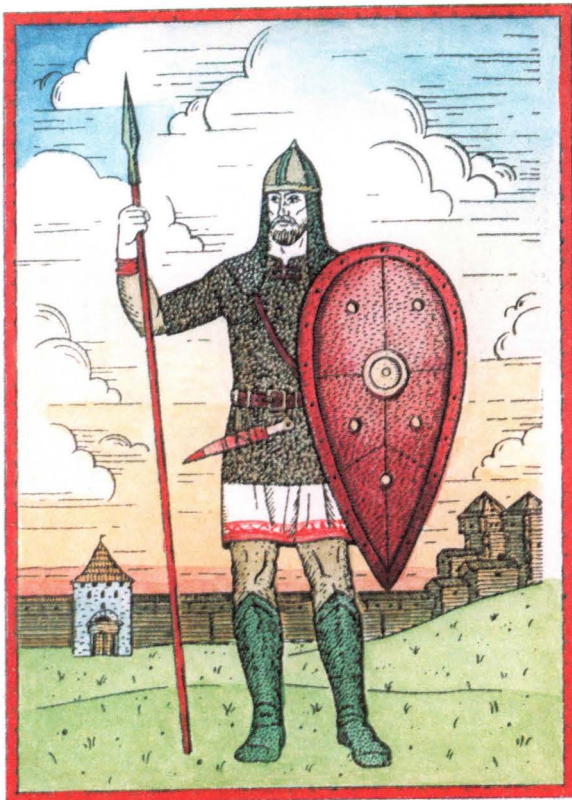
Воин с мечом

Всадник в кольчуге и наговицах

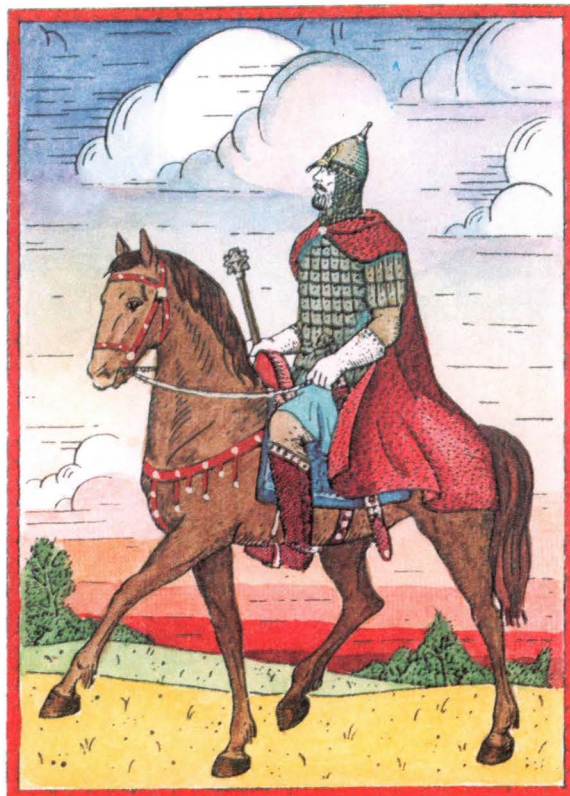

Стрелец из лука

Воин с копьем

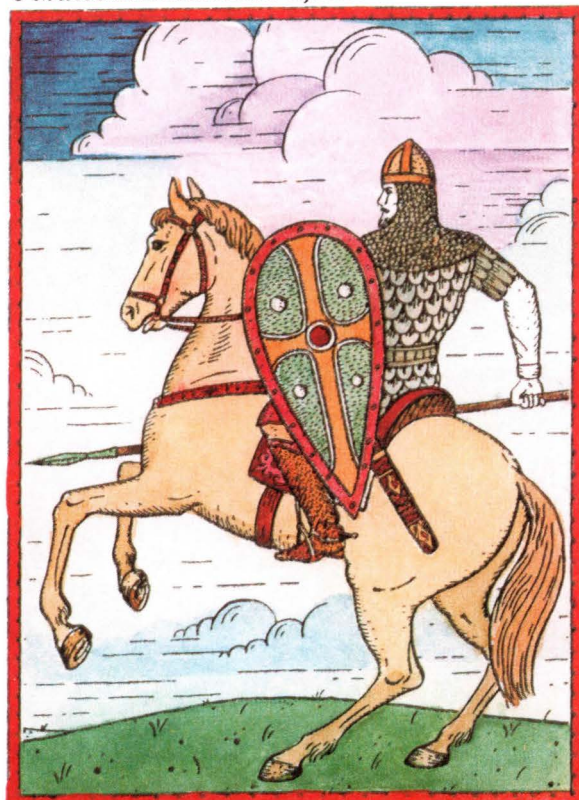

Всадник с булавой в руке

Воин в комбинированном доспехе

Всадник в чешуйчатом панцире с миндалевидным щитом

СОДЕРЖАНИЕ

РОДОСЛОВНАЯ БОРИСА И ГЛЕБА	2
ПЛЕННИЦА-ГРЕЧАНКА — ЖЕНА КНЯЗЯ ЯРОПОЛКА	5
ГИБЕЛЬ ЯРОПОЛКА	10
ВДОВА ЯРОПОЛКА — ЖЕНА ВЛАДИМИРА	17
КРЕЩЕНИЕ ВЛАДИМИРА	19
ДЕТСТВО БОРИСА И ГЛЕБА	22
СМЕРТЬ КНЯГИНИ АННЫ. ВОЙНА С ПОЛЬШЕЙ	26
БОРИС И ГЛЕБ В ЗАЛЕССКОЙ РУСИ	30
УБИЙСТВО БОРИСА И ГЛЕБА	32
БИТВЫ ЗА КИЕВСКИЙ ПРЕСТОЛ	37
КОНЕЦ СВЯТОПОЛКА	39

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования РФ
для дополнительного образования*

ИСТОРИЯ РОССИИ БОРИС И ГЛЕБ

Для младшего и среднего школьного возраста

**Повесть о светлой жизни и мученической смерти князей Бориса и Глеба,
первыми на Руси причисленных к лику святых**

Руководитель проекта Н. Астахова
Редакторы Е. Григорьева, Л. Жукова
Консультант О. Гладкова
Корректор А. Новгородова
Компьютерная верстка Ю. Чернышева, Е. Аквилянова

Издательство «БЕЛЫЙ ГОРОД»
105118, Москва, шоссе Энтузиастов, 42,
отдел реализации – тел. 176 1693
Оптовые поставки – фирма «Паламед», тел. 176 1693, 176 0737
Розничная продажа – Торговый дом «Библио-Глобус»,
101861, Москва, улица Мясницкая, 6;
По вопросам приобретения книг по издательским ценам
обращаться по адресу: 105118, Москва,
шоссе Энтузиастов, 42, тел. 176 1693.

ISBN 77930235

Лицензия ИД № 04067 от 23 февраля 2001 года

Доп. тираж 5000 экз. Печать офсет., бумага офсетная, печ. л. 3,0.
Гарнитура SchoolBook C. Заказ № 0201560.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Электронный вариант книги:

Скан: LenAlis

Обработка, формат: manjak1961

**ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
ОТ РЮРИКА ДО ВЛАДИМИРА СВЯТОГО
(IX-XII вв.)**

Рюрик (862-879 гг.)* — правитель Новгорода. Предводитель варяжского военного отряда; был призван славянами княжить в Новгород. Основатель династии Рюриковичей.

Олег (с 879 г. — князь Новгородский; 882-912 гг. — князь Киевский и Новгородский). В 907 г. совершил поход в Византию, и заключил с ней договоры в 907 и 911 гг.

Игорь (912-945 гг.) — великий князь Киевский. В 941 и 944 гг. совершил походы в Византию. Убит древлянами.

Ольга (945-957 гг.) — княгиня. Родилась около 890 г. Правила в малолетство сына Святослава. После убийства мужа в 945 г. жестоко подавила их восстание. Около 957 г. приняла христианство. Крестилась в Константинополе. Умерла в 969 г. Причислена к лику святых.

Святослав (957-972 гг.) — князь Киевский. Совершал походы на Оку, в Поволжье и на Балканы. Освободил вятичей от власти хазар. В 967 г. воевал с Болгарией за Подунавье. В союзе с венграми и болгарами вел русско-византийскую войну в 970-971 гг. Убит печенегами.

Ярополк (972-980 гг.) — великий князь Киевский. Старший сын князя Святослава. Пытался подчинить себе территорию на Севере и Северо-Востоке Руси, но был побежден младшим братом Владимиром.

Олег (977 г.) — князь Древлянский.

Владимир Святой (980-1015 гг.) — великий князь Киевский. Младший сын Святослава. Покорил вятичей, радимичей и ятвягов. Воевал с печенегами, Волжской Болгарией, Византией и Польшей. При Владимире Русь приняла христианство, что уравнило ее с соседними государствами. В русских былинах известен как Красное Солнышко.

* в скобках указаны даты правления

СЫНОВЬЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО

Святополк I Окаянный (1015-1019 гг.) — великий князь Киевский. Старший сын Владимира. Изгнан Ярославом Мудрым. В 1018 г. с помощью польских и печенежских войск захватил Киев, но был разбит. Был женат на дочери Болеслава I, короля Польши.

Ярослав Мудрый (1019-1054 гг.) — великий князь Киевский. Изгнал Святополка I. Обезопасил южные и западные границы Руси. При нем составлена «Русская Правда» — свод древне-русского права.

Мстислав (с 988 г. — князь Тмутараканский с 1026 г. — князь Черниговский). Покорил кочевников и ряд кавказских племен. Борьба с князем Ярославом Мудрым завершилась разделом государства по реке Днепр. Умер в 1036 г.

Борис — князь Ростовский. В 1015 г. убит сторонниками Святополка I. Причислен к лику святых.

Глеб — князь Муромский. В 1015 году убит по приказу Святополка I. Причислен к лику святых.

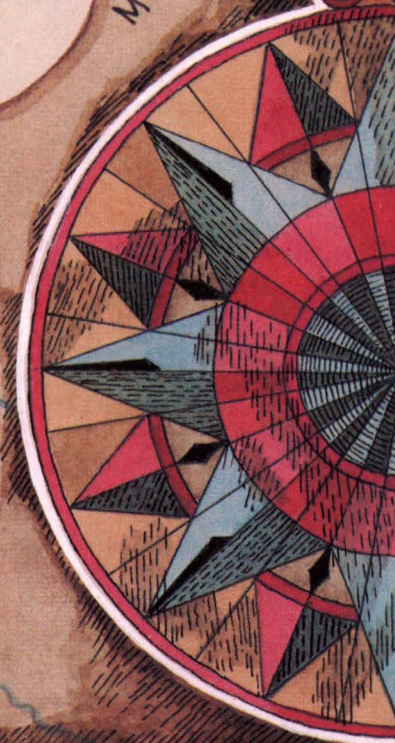
Святослав — князь Древлянский, умер в 1015 г.

У Владимира было двенадцать детей. Но не все они стали взрослыми, некоторые умерли во младенчестве. Не все оставили такой след в истории, как Ярослав Мудрый, старавшийся сделать счастливыми своих подданных. А родившиеся после крещения Владимира Борис и Глеб стали первыми святыми на Руси. Вот как звали других его детей: Судислав; Всеволод, князь Владимиро-Волынский; Изяслав, князь Полоцкий; Вышеслав, князь Новгородский; Доброгнева, была замужем за Казимиром, королем Польши; Станислав.

РУСЬ И ЕЕ СОСЕДИ

Х-ХІ ВЕКА

Города
Южной Руси

ИСТОРИЯ РОССИИ

Эти книги, рекомендованные Министерством общего и профессионального образования РФ для дополнительного образования, увлекательно написаны, красочно проиллюстрированы, содержат много полезной и интересной информации об истории России.

Готовятся
к выпуску:

«КЛАДЫ
И СОКРОВИЩА»

«РУССКО-ТУРЕЦКИЕ
ВОЙНЫ»

«ДУЭЛИ»

«АЛЕКСАНДР II»

«АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

«ОСНОВАНИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

«ИВАН ГРОЗНЫЙ»

«ЕКАТЕРИНА II»

«КУЛИКОВСКАЯ БИТВА»

ISBN 5-7793-0235-9

9 785779 302357 >

ИСТОРИЯ РОССИИ

БОРИС И ГЛЕБ

«БЕЛЫЙ ГОРОД»

БОРИС И ГЛЕБ

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РУСИ

Владимир Святой —
креститель Руси

Русь в опасности

Владимир
и православный
священник

Святополк Окаянный

Убийство Бориса
дружинниками Святополка

Софийский собор
в Киеве

Иллюстрированные словари

«СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ»

«ВООРУЖЕНИЕ И ДОСПЕХИ ВОИНА IX-XIII века»

«БЕЛЫЙ

ГОРОД»

Венчание Владимира
и Анны

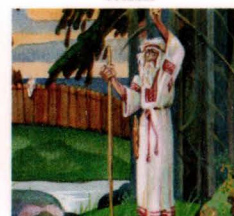
Княгиня Ольга

Осада Киева князем
Владимиром

Анастасий-корсунянин —
духовник княжеской
семьи

Русь языческая

Пленница-гречанка —
жена Ярополка

